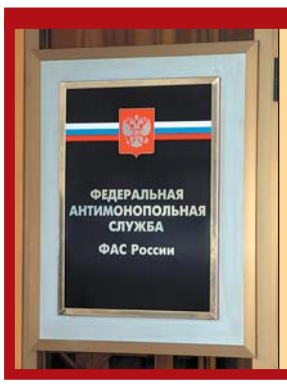
ISSN 1995-9699

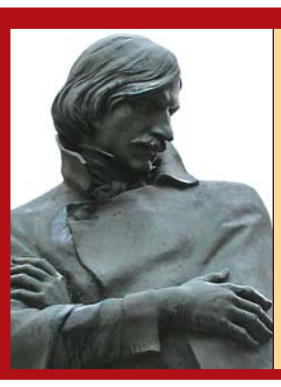


ФАС гарантирует льготные ставки аренды для адвокатов

С. 4

СМИ и престиж адвокатуры

С. 10–11



200 лет для классика не срок

С. 15

НОВАЯ АДВОКАТСКАЯ ГАЗЕТА

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ
НЕЗАВИСИМОСТЬ
КОРПОРАТИВНОСТЬ

№ 07 (048)
апрель 2009 г.

ОРГАН ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ РФ

В НОМЕРЕ

Событие

Европейские деньги для бесплатной помощи — С. 5

Адвокатская тайна

Защитника вызывают на допрос — С. 6–7

Конференция в Якутии — С. 7

Высшая инстанция

Почти мифическая история — С. 8–9

Новый регламент Евросуда — С. 9

Резонанс

Право на защиту имеют даже недееспособные — С. 12

Эпопея

Адвокат против волокиты — С. 13

Проблема

Декларации вместо закона — С. 14

Подписка

Пора на почту! — С. 16

ВЕРДИКТ: «НЕВИНОВЕН»

19 февраля в Московском окружном военном суде был оглашен вердикт коллегии присяжных по делу об убийстве Анны Политковской

Фото: Александр КРОХМАЛЮК

Оправдательный вердикт присяжных на процессе по делу об убийстве Анны Политковской вызвал бурю эмоций: одни считают, что справедливость не восторжествовала, другие уверены, что на свободу выпустили лиц, непричастных к этому преступлению. Но и те и другие признают убедительную победу, одержанную стороной защиты над государственным обвинением.

В гостях у «АГ» – адвокат Мурад МУСАЕВ, представлявший в суде интересы подсудимых.

Окончание на с. 2–3

Окончание. Начало на с. 1

ВЕРДИКТ: «НЕВИНОВЕН»

– Скажите, как Вы вошли в этот, первый в Вашей жизни судебный процесс с участием присяжных заседателей? Вас назначили или Вы сами взялись защищать своих земляков?

– С просьбой о защите Джабраила Махмудова ко мне обратился один мой добрый знакомый, который был дружен с семьей парня. Я взялся за дело на основании соглашения, но я знал, что родители Джабраила – люди скромного достатка, поэтому помощь была безвозмездной. Об этом приличествовало бы смолчать, но уже из нескольких источников я слышал о том, будто получил за участие в этом деле многие сотни тысяч долларов от неизвестных людей.

Что касается национальной принадлежности, то ни для кого не секрет, что защита чеченцев на среднерусской возвышенности не дает их земляку конкурентного преимущества. Напротив, для меня это было фактором риска. Если бы среди присяжных заседателей оказались люди, страдающие ксенофобией, что в наше время не редкость, нам бы не поздоровилось. К счастью, в коллегии присяжных в этом деле оказались люди, не только свободные от предрассудков, но и принципиальные. Они показали всему миру, что значит решение по совести.

– Если бы Вы сами были уверены, что эти люди совершили то преступление, которое им инкриминировалось, Вы все равно взялись бы за их защиту, учитывая отношения между вашими родственниками?

– Скорее всего, я порекомендовал бы своим доверителям найти другого адвоката. Рискуя навлечь на себя гнев адвокатского сообщества, я должен сказать, что вряд ли смог бы оказать качественную юридическую помощь людям, о которых знал бы, что они причастны к убийству А.С. Политковской. Эта хрупкая женщина была одной из тех немногих журналистов и общественных деятелей в России, которые осмеливались говорить правду о том, что происходило на территории Чечни.

– А подсудимого Рягузова Вы защищали?

– Нет, у него были свои адвокаты, но я, высказывая свою позицию по делу, касался и обвинений, предъявленных Рягузову, причем по делу, которое никакого отношения к моему подзащитному не имело. Должностное преступление, инкриминированное Рягузову, имело место 5 лет назад. По этому факту трижды выносился отказ в возбуждении уголовного дела, и только в 2007 г., когда в связи с убийством Политковской понадобилось упрятать этого человека, материал проверки вдруг реанимировали. Это частный, но не единичный случай, такова порочная практика, и я счел своим долгом высказаться на этот счет.

– Как Вы считаете, прокуратура действительно пыталась найти убийц Анны Политковской или она лишь создавала видимость своей активности?

– Я позволю себе комплимент государственным обвинителям – они сделали все от них зависевшее, чтобы любой ценой добиться обвинительного приговора. Они выходили далеко за рамки предъявленного обвинения, приводили доказательства, не связанные с убийством, чтобы создать у присяжных негативное впечатление как о моем подзащитном, так и о других подсудимых.

– Если они сделали так много, как же они допустили, чтобы в деле остались документы, оскорбляющие и унижающие Политковскую?

– Я считаю, что ответ до неприличия прост: авторы презентации просто не удержались от того, чтобы высказать свое мнение о правозащитнике и журналисте, которая не жаловала «силовиков», преступающих закон.

– Казалось бы, защите выгодна демонстрация фактов, порочащих жертву и тем самым обеляющих в какой-то мере деяния преступника.

– Неужели мы стали бы строить защиту на том, что «хорошие люди», дескать, избавили родину от американской шпионки? Такая квазипатриотическая позиция просто аморальна.

– Подсудимых обвиняли не в самом убийстве, а в соучастии в убийстве, якобы совершенном человеком, который скрывается от правосудия. Гособвинение сумело собрать факты, доказывающие это соучастие?

– Так называемый киллер, которого не удалось посадить на скамью подсудимых, – это Рустам Махмудов, родной брат моего подзащитного. Присяжные и журналисты, присутствовавшие в зале суда, могли своими глазами увидеть, насколько Рустам отличается от человека, зафиксированного видеокамерой слежения у дома Политковской. На видео показан человек ростом 167 см в обуви и головном уборе, тогда как «голый» рост Рустама Махмудова, согласно справке из военкомата, – 170 см. Но главное, Рустам – человек плотного телосложения, коренастый, широкоплечий, с большой головой и довольно солидным животом, на видео же нам показывают худощавого, сутулящегося убийцу.

Обвинение вывесило в зале суда три фотографии Рустама, обрезанные так, что его телосложение трудно определить. Мы пытались предъявить другие фотографии, в полный рост, но нам говорили, что они не имеют отношения к делу. Судья говорил: «Мы здесь не судим Рустама Махмудова». Хотя его имя значится чуть ли не на каждой странице обвинительного заключения и сами государственные обвинители продемонстрировали не меньше трех фотографий этого человека.

Защите помогло вещественное доказательство – мобильный телефон, изъятый у моего подзащитного. На нем сохранились снимки братьев Махмудовых, в том числе сделанные у водоема, где фигуранты по делу сфотографированы в полный рост, в одних плавках. Суд не имел права отказать нам в просьбе предъявить присяжным это вещественное доказательство. И всем сразу стало ясно, что человек, входящий в подъезд Политковской сразу за ней и выходящий из этого подъезда через пару минут после убийства, не может быть Рустамом Махмудовым.

– Неужели следствие не делало попыток установить, кто этот человек и кто люди, следившие за Анной Политковской?

– Что касается личности предполагаемого убийцы, то следствие решило некритически относиться к версии, что это Рустам Махмудов. Другие версии уже не отрабатывались.

А лица, следившие за Политковской... для их поиска следователи сделали «все возможное» – разослали письма в компетентные органы (МВД, ФСБ и даже Таможенный комитет), чтобы там сравнили фотографии с фотографиями сотрудников этих органов. Вопрос был примерно такой: «Нет ли среди ваших сотрудников этих двоих, которые следили за Политковской?». Угадайте, какими были ответы. «Нет, конечно, у нас таких сотрудников нет». На этом все. Вот как искали реальных преступников.

Суд просто проигнорировал тот факт, что за Политковской следили два человека – мужчина и женщина. Мужчину в светлой одежде и его спутницу зафиксировали видеокамеры торгового центра, который А. Политковская посетила за час до убийства. Был и свидетель, видевший парочку в автомобиле у дома Политковской за день до убийства. Мы просили вызвать его для допроса в качестве свидетеля, но суд ответил категорическим отказом. А ведь речь о свидетеле, который был трижды допрошен на стадии предварительного следствия и дал ценнейшие для дела показания.

– А почему этого не сделала защита?

– Мы разыскали этого свидетеля, который оказался сотрудником отдела розыска УФСИН по г. Москве (хотя номера его квартиры ни в одном из протоколов допроса не оказалось). Мы связались со свидетелем по телефону. Он был готов дать показания, однако просил, чтобы к его начальству с соответствующей просьбой обратился суд. Но судья заявил нам, что допросит этого свидетеля только в том случае, если мы сами приведем его и заставим дожидаться приглашения в коридоре суда.

– Давайте вернемся к обвинениям, предъявленным непосредственно подсудимым.

– Их обвиняли в том, что в октябре 2006 г. Сергей Хаджикурбанов создал организованную преступную группу, куда вошли братья Махмудовы, приобрел пистолет и передал его предполагаемому убийце. А непосредственно в день убийства один из братьев Махмудовых якобы находился около дома Политковской в машине вместе с киллером и осуществлял связь с другим братом, который стоял на Садовом кольце и дал сигнал, что журналистка проехала мимо него в направлении своего дома.

Защита просила привести хотя бы один факт, подтверждающий эти обвинения. Но никаких достоверных сведений о том, что члены так называемой ОПГ даже были знакомы в то время друг с другом, что они где-то встречались и обсуждали свои «преступные» планы, обвинение так и не представило. Джабраил познакомился с Хаджикурбановым лишь в декабре 2006 г., а Ибрагим вообще впервые увидел его в зале суда. Одно это доказывает, что обвинение надуманно. Нельзя обвинять в создании ОПГ людей, которые даже не знакомы. Не было также подтверждений, что подсудимые когда-либо видели или держали в руках пистолет, из которого было совершено преступление.

– Но пистолет ведь был найден.

– Да, но обвинение не сказало ни слова о происхождении этого пистолета. Не сказало именно потому, что из сведений, которыми располагало обвинение, нельзя было сделать вывод о том, что подсудимые имеют какое-то отношение к этому оружию. Не было представлено ни единого доказательства того, что кто-то из обвиняемых хотя бы видел этот пистолет.

На пружине пистолета нашли волос. Его исследовали и сравнили с волосом собаки, к которой имел отношение Ибрагим. Выяснилось, что волос на пистолете принадлежит кошке. Кошачий волос был тут же «обнаружен» в автомобиле, принадлежавшем Рустаму Махмудову, которым якобы пользовались преступники. Но выяснилось, что волосы происходили от разных кошек. Пот на пистолете, ставшем орудием убийства, также не принадлежит ни одному из братьев Махмудовых. Кому принадлежат следы пота, выявленные на пистолете, до сих пор неизвестно. А повторную экспертизу суд назначить отказался, хотя на ее проведении настаивали и защитники, и представители потерпевших.

– Однако за несколько дней до убийства, когда за Анной Политковской следили, и в день убийства братья все же оказались поблизости от места преступления?

Учредитель: **Федеральная палата адвокатов РФ** Издатель: **Фонд поддержки и развития адвокатуры «Адвокатская инициатива»**

Учреждена по решению III Всероссийского съезда адвокатов

Выходит два раза в месяц.

Зарегистрирована 13 апреля 2007 г. Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере коммуникаций и охране культурного наследия

Свидетельство ПИ № ФС 77-27854

Куратор издания **Юрий ПИЛИПЕНКО**, вице-президент ФПА РФ

Главный редактор **Александр КРОХМАЛЮК**, руководитель пресс-службы ФПА РФ

Зам. главного редактора **Мария ПЕТЕЛИНА**

Корреспондент **Марина САМАРИ**

Редактор-корректор **Наталья ШИБАСОВА**

Макет, дизайн и верстка **Елена САХАРОВА**

Подписка и распространение **Ольга ИГНАТОВА**

Адрес редакции:

119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
Тел.: (495) 787-28-35
Тел./факс: (495) 787-28-36
E-mail: advgazeta@mail.ru
www.advgazeta.ru

Следующий номер выйдет 16 апреля

© «НОВАЯ АДВОКАТСКАЯ ГАЗЕТА»

Воспроизведение материалов полностью или частично без разрешения редакции запрещено. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, содержащейся в рекламных объявлениях и авторских материалах. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в ООО «Офсетная типография № 21»

Москва, ул. Рочдельская, 15, стр. 29
Тел.: 252-01-18, 252-00-74

Номер подписан в печать 26.03.2009

Тираж 2700

Заказ № 4–30/03

Фото: Марина САМАРИ

Мурад МУСАЕВ: «Я убежден в невиновности моего подзащитного»

– Нет. И теперь мы переходим к формуле обвинения, опровергнутой в суде.

Нам говорили, что наши подзащитные следили за Политковской, а мы просили: «Докажите, по крайней мере, что их маршруты когда-либо совпадали с маршрутом Политковской. Покажите, что в какой-либо из дней кто-либо из этих ребят ехал или шел за Анной Политковской». Ответом нам было молчание.

Нам говорили, что 3, 5 и 6 октября 2006 г. наши подзащитные репетировали убийство Политковской. Но детализация телефонных переговоров этих ребят – основное доказательство обвинения – свидетельствовала об обратном. В то время, когда реальные преступники «репетировали» убийство на Лесной улице (это зафиксировано видеокамерами), мой подзащитный и его брат находились за много километров от этого места. Мы сравнили данные видеокамер с детализациями звонков и обнаружили, что в то время, когда на Лесной улице 3 октября преступники отрабатывают свои действия, Джабраил находился на Кутузовском проспекте. Ибрагим в это время вообще был в Тушино. 5 октября Джабраил находился на Стромынке, а Ибрагим где-то на окраине города. И так каждый из дней. Так кто же действительно был в это время на Лесной, кто реальные преступники? Ответа нет. Мы предъявляли следствию предполагаемые номера телефонов тех людей, которые реально следили за Политковской. Но проверить эти номера никто не пожелал. По мне, такие следственные действия – спектакль в театре абсурда.

– А где находились ваши подзащитные в день убийства?

– К сожалению, как и любой нормальный человек, наши подзащитные к первому допросу уже не помнили событий этого конкретного дня, ведь давность уже была годичная. Плюс, следствие придумало очень правдоподобную версию событий 7 октября 2006 г. Если к остальным дням отнеслись спустя рукава, то для 7 октября подгоняли цифры, придумывали доказательства, редактировали результаты биллинга. Но... если сочинить обвинение можно, то сделать это безупречно – едва ли. Как кропотливо ни работали заготовители из Следственного комитета, ошибок и противоречий избежать не удалось.

Довольно показательна история с распечатками телефонных соединений. Это были данные в формате Excel. Нам говорят: «Диск поступил из телефонной компании». Нажимаем правой кнопкой мыши на иконку файла – видим, что его автора зовут «sledovatel». Вместо слова «абонент» в таблице звонков использовано «фигурант», некоторые контакты установлены «при осмотре места происшествия». Откуда у «Мегафона» такая информация?!

Выяснилось также, что эти данные легко корректируются. Я прямо в зале суда спокойно заменил имя одного из подсудимых на фамилию руководителя следственной группы. Такие же замены могло осуществить любое заинтересованное лицо.

Далее. Предоставленная следствием распечатка телефонных соединений Анны Политковской за 7 октября 2006 г. обрывалась на временной отметке 14 часов 46 минут. А дети Анны Степановны утверждали, что разговаривали с мамой позже. Выяснилось, что из детализации исчезли два последних прижизненных звонка жертвы преступления. По чьей воле это произошло – вопрос. Зато сразу после того, как наши уважаемые коллеги со стороны потерпевших и мы обратили внимание на «недостачу», нам прислали второй вариант телефонного счета, где два звонка были вставлены на место. Интересно?

Дальше – больше. Обвинение гласит, что в 15.52 Ибрагим позвонил Джабраилу и сообщил ему, что машина журналистки проехала мимо него. Через 3 минуты убийца выходит из машины. В 15.57 Анна Политковская была убита. А в 15.58 уже Джабраил звонит Ибрагиму, чтобы за 8 секунд сообщить, что дело сделано. Действительно, в детализации звонков обоих братьев такие звонки есть, все очень правдоподобно. Однако мы пригляделись к этому документу повнимательнее и обнаружили, что, согласно детализации звонков Джабраила Махмудова, он в интересующий нас временной промежуток 7 октября 2006 г. разговаривал с Ибрагимом 6 раз, а у Ибрагима в детализации таких звонка только 4. Как такое возможно: у Джабраила написано, что Ибрагим ему звонил дважды, а у Ибрагима таких исходящих звонков нет? Кто-то записал Джабраилу на 2 звонка больше, чем Ибрагиму, – единственное логическое объяснение. Таким образом выяснилось, что «кит» обвинения – детализация телефонных переговоров – это обыкновенная фальшивка.

Угадайте, что произошло, когда мы обратили на это внимание суда? Тут же, как и в случае с детализацией звонков Политковской, появилась новая распечатка, куда аккуратно вписали две недостающие строки. Подобные изменения в стандартных документах, где телефонные соединения фиксируются автоматически, не могли не вызвать сомнений у присяжных заседателей.

А когда мы изучили данные следственного эксперимента, содержащего хронометраж движения Политковской, мы с помощью математических вычислений доказали, что в тот момент, когда Ибрагим с Садового кольца якобы звонил Джабраилу, Политковская никак не могла проезжать мимо звонившего, так как была на Никитском бульваре. Обвинение уже в прениях пыталось назвать другое место, где якобы находился Ибрагим. Но присяжные не могли не почувствовать, что это – лукавство. А другие люди в зале суда просто смеялись над этими потугами подогнать данные, которые никак не сходятся.

И таким же недостатком страдало каждое второе доказательство, предъявленное гособвинением.

– Похоже, таких нестыковок не могла не заметить даже Фемида, несмотря на свою повязку на глазах. И в итоге она улыбнулась именно стороне защиты.

– Когда обвинители стали рассказывать присяжным про Фемиду, про количество доказательств на той или другой чаше весов, мы ответили так: большая часть доказательств обвинения при внимательном рассмотрении легла на нашу чашу, ведь сила доказательства, как говорили древние, в их качестве – не в количестве. Иные же доказательства и вовсе годились лишь для того, чтобы выбросить их в мусорную урну. В конечном итоге чаша гособвинителей была наполнена сочинениями следователей, которые едва ли могут перевесить даже пустоту.

– Может быть, органы гособвинения были вынуждены скрыть тех лиц, которые реально следили за Политковской? Например, потому что эти лица работают в компетентных органах. И потому они хотели найти именно «козлов отпущения», чтобы взвалить на них вину за это дерзкое преступление?

– Я в этом почти уверен. Моих подзащитных, скорее всего, пытались «назначить» на роли, сочиненные следствием.

– А Вы, именно Вы как адвокат, сделали все, что было в Ваших силах?

– Есть еще целый ряд процессуальных действий, которые мы намерены начать через одну-две недели, так как мы уже решили, что надо готовиться ко второму этапу этого процесса (как известно, прокуратура опротестовала приговор суда). Есть возможность устроить следственный эксперимент, чтобы проверить показания наших подзащитных и несколько утверждений следствия, надо сделать еще несколько запросов, в том числе в телефонные компании. Мы этого не сделали на первом процессе, так как понимали, что уже существовавших аргументов должно было быть достаточно, да и сроки поджимали. Теперь у нас есть время и простор для маневра.

Что касается целей в процессе... Нам удалось показать присяжным надуманность обвинений. Но к сожалению, мне так и не удалось (и я считаю это своим упущением) убедить детей Анны Политковской, ее коллег и друзей в том, что оправдательный вердикт по этому делу – в их интересах. Почти так же, как в интересах моих подзащитных. Сами потерпевшие понимают и не скрывают, что на скамье подсудимых сидели не убийцы, а люди, которые теоретически могли иметь косвенное отношение к этому жестокому убийству. Претензии потерпевших в адрес моего подзащитного сводились к одному: «Ведь он что-то наверняка знает о реальных преступниках, но молчит...». Если бы братьев Махмудовых осудили за то, что они следили за журналисткой или находились рядом с местом убийства, а через год-другой вдруг нашли бы настоящих пособников убийцы, ни один следователь не захотел бы признать свою ошибку. Никто не отказался бы от полученных наград и звездочек, никто не захотел бы выплачивать невинным людям многомиллионную компенсацию. Поэтому, как я думаю, уже никто не стал бы продолжать поиск виновных в убийстве.

Если бы обвинительное заключение по этому делу «сработало», то исполнителем убийства уже окончательно решено было бы считать Рустама Махмудова. И настоящего стрелка уже также никто не искал бы. Зато, я уверен, на самого Рустама реальные преступники объявили бы настоящую охоту. Ведь при таком раскладе – нет человека – нет проблемы.

В общем, обвинительный вердикт по этому делу был бы отличным способом избавить от ответственности настоящих преступников. И хотя следствие, я уверен, теперь будет продолжать изготавливать новые «доказательства вины» моих подзащитных, над ним будет висеть дамоклов меч нового оправдательного вердикта и оно должно будет идти в направлении настоящих убийц.

Наконец, это уголовное дело – совсем не «висяк», даже опубликованных материалов достаточно, чтобы выйти на тех, кто спланировал и осуществил это убийство. Но, рискну высказать предположение, что либо реальные преступники неприкосновенны, либо следствие просто не может установить их личности и местонахождение. Знаю, что делать такие предположения – не самое благодарное дело, но первый вариант мне кажется более вероятным.

Беседу вел Константин КАТАНЯН

Справка «АГ»

Мусаев Мурад Алаудинович

Кандидат юридических наук. Адвокат Адвокатской палаты г. Москвы (коллегия адвокатов «Добровинский и партнеры»).

Родился 18 августа 1983 г. в г. Грозном.

В 2007 г. окончил Московский государственный институт международных отношений МИД РФ (МГИМО), в 2005 г. – Всероссийскую государственную налоговую академию, в 2004 г. – Государственную классическую академию им. Маймомида.

С 2004 г. – адвокат Адвокатской палаты Чеченской Республики, затем – Адвокатской палаты г. Москвы.

Специализируется в области гражданского, уголовного и международного права.

Представлял интересы Президента Чеченской Республики (2005 г.), защищал потерпевших в «деле Ульмана» (2006 г.), обвиняемых по делу о событиях в Кондопоге (2006 г.).

Защита обвиняемых по делу об убийстве Политковской – первый опыт работы адвоката в суде присяжных.

АДВОКАТЫ ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ

Фото: «АГ»

Федеральная антимонопольная служба подтвердила право адвокатских образований на льготную оплату арендуемых помещений

Как мы сообщили в № 06 (047), 24 декабря 2008 г. Федеральная палата адвокатов направила в Федеральную антимонопольную службу письмо с просьбой рассмотреть вопрос о возможности аренды муниципальных и государственных помещений адвокатскими образованиями на внеконкурсной основе.
Ответ ФАС дает адвокатским образованиям основания рассчитывать на льготный порядок заключения и пролонгации договоров аренды помещений.

Федеральная антимонопольная служба
(ФАС России)

10 марта 2009 г. **№ АЦ/6053**

О даче разъяснений по вопросам применения статьи 17.1 Закона «О защите конкуренции»

Федеральная антимонопольная служба рассмотрела Ваше обращение по вопросам применения ст. 17.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) в части заключения договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, и сообщает.

Заключение договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества (далее также договоры), в соответствии с Законом о защите конкуренции возможно следующими способами:

1) по результатам проведения конкурса или аукциона на право заключения таких договоров;

2) без проведения торгов, в случаях, предусмотренных ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, в том числе в случае предоставления указанного имущества в виде государственной или муниципальной помощи в порядке, установленном гл. 5 Закона о защите конкуренции.

Исчерпывающий перечень целей предоставления государственной или муниципальной помощи содержится в ч. 1 ст. 19 Закона о защите конкуренции.

Статьей 20 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон № 63-ФЗ) установлены формы адвокатских образований, в частности: коллегия адвокатов, адвокатское бюро и юридическая консультация.

В соответствии с Законом № 63-ФЗ коллегия адвокатов, адвокатское бюро и юридическая консультация являются некоммерческими организациями.

В соответствии со ст. 3 Закона о защите конкуренции действие указанного закона распространяется на отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

В соответствии с п. 7 ст. 4 Закона о защите конкуренции конкуренция представляет собой соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

В соответствии с п. 5 ст. 4 Закона о защите конкуренции под хозяйствующим субъектом понимается индивидуальный предприниматель, коммерческая организация, а также некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход.

Таким образом, действие ст. 17.1 и 19 Закона о защите конкуренции не распространяется на случаи заключения договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования на государственное или муниципальное имущество некоммерческим организациям, которые не осуществляют деятельность, приносящую им доход, то есть не являются хозяйствующими субъектами.

Вместе с тем, поскольку в соответствии со ст. 50 Гражданского кодекса РФ некоммерческие организации могут осуществлять деятельность, приносящую доход, действие ст. 17.1 и 19 Закона о защите конкуренции распространяется на случаи заключения данных договоров с некоммерческими организациями, осуществляющими деятельность, приносящую доход.

Таким образом, если в период владения и (или) пользования государственным или муниципальным имуществом, полученным без торгов некоммерческой организацией, не имеющей статуса хозяйствующего субъекта, организация начнет осуществлять деятельность, приносящую ей доход, федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта РФ, орган местного самоуправления, который принял решение о передаче организации государственного или муниципального имущества, должен принять меры по прекращению использования данного имущества и по его возврату в целях предоставления такого имущества в соответствии с Законом о защите конкуренции на торгах или с предварительным согласованием с антимонопольным органом в порядке, установленном гл. 5 Закона о защите конкуренции.

При этом ст. 17.1 и 19 Закона о защите конкуренции также применяются в случаях, когда некоммерческие организации, являющиеся хозяйствующими субъектами, осуществляют деятельность, приносящую доход, без использования предоставленного государственного или муниципального имущества.

Таким образом, передача государственного или муниципального имущества во владение и (или) пользование некоммерческим организациям, в том числе коллегиям адвокатов, адвокатским бюро и юридическим консультациям в случае, если они не осуществляют деятельность, приносящую им доход и не будут ее осуществлять после получения данного имущества, возможна без проведения торгов, предусмотренных ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, и без предварительного согласования с антимонопольным органом.

ФАС России также сообщает, что 13 февраля 2009 г. Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении принят законопроект № 144206-5 «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» (далее – законопроект № 144206-5), согласно которому исчерпывающий перечень целей предоставления государственной или муниципальной помощи, содержащийся в ст. 19 Закона о защите конкуренции, предлагается дополнить целью оказания экономической поддержки некоммерческим организациям, в частности, для достижения образовательных целей, оказания юридической помощи, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта.

В соответствии с п. 1 ст. 621 Гражданского кодекса РФ арендатор, надлежащим образом исполнявший свои обязанности, по истечении срока договора имеет при прочих равных условиях преимущественное перед другими лицами право на заключение договора аренды на новый срок, если иное не предусмотрено законом или договором. Закон о защите конкуренции, в том числе ст. 17.1, предусматривает особый порядок заключения договоров аренды в отношении государственного и муниципального имущества, а именно по результатам торгов.

При этом ст. 621 Гражданского кодекса РФ устанавливает исключительно преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок при прочих равных условиях и не регулирует порядок предоставления прав на государственное или муниципальное имущество.

Таким образом, положения ст. 621 Гражданского кодекса РФ не являются исключением, предусмотренным п. 3 ч. 1, п. 3 ч. 3 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, и основанием для безусловного продления договора на новый срок без торгов.

Вместе с тем, по мнению ФАС России, преимущественное право арендатора может быть реализовано при проведении конкурса или аукциона на право заключения договора аренды государственного или муниципального имущества.

Так, например, при проведении конкурса арендатор, в случае одновременного предложения им и другим участником (участниками) равных лучших условий по конкурсу (т.е. при прочих равных условиях), признается победителем и с ним заключается договор аренды на основании ст. 621 Гражданского кодекса РФ. В случае если кто-либо из участников конкурса предложит условия лучшие, чем арендатор, то договор аренды заключается с лицом, предложившим наилучшие условия.

Дополнительно ФАС России сообщает, что разъяснения по вопросам применения ст. 17.1 Закона о защите конкуренции размещены на официальном сайте федерального антимонопольного органа в сети Интернет.

Статс-секретарь –
заместитель руководителя
Федеральной антимонопольной службы **А.Ю. Цариковский**

Фото: Марина САМАРИ

ДЕНЬГИ ДЛЯ ПРАВА

Евросоюз сделает российское правосудие более доступным

12 марта в Федеральной палате адвокатов РФ прошла встреча, посвященная открытию финансируемого Европейским Союзом проекта «Улучшение доступа к правосудию в Российской Федерации». Главный бенефициар – Государственно-правовое управление Президента РФ. Основные направления проекта: бесплатная юридическая помощь, внесудебное разрешение споров, информация о доступе к правовой помощи и правосудию. Первоначально он будет опробован в четырех регионах – Рязанской области, Республике Татарстан, Республике Чувашия и Самарской области.

Во встрече участвовали заместитель главы делегации Европейской Комиссии в Москве Пол Вандорен, куратор проекта от делегации Европейской Комиссии в Москве Пит Блонде, руководитель проекта профессор Игорь Пеллиццциари, заместитель начальника Государственного правового управления Президента РФ С.В. Пчелинцев, директор Департамента правового регулирования и контроля в сфере правовой помощи Министерства юстиции РФ В.В. Карпов, президент Федеральной палаты адвокатов РФ Е.В. Семеняко, президент Центра медиации и права Ц.А. Шамликашвили, представители Государственной Думы ФС РФ, высших судов, донорских организаций и пилотных регионов, члены руководящего комитета и эксперты проекта.

Проект осуществляет бельгийская компания Atos Origin. Его бюджет составляет 2,8 млн евро (соглашение о финансировании было принято в 2006 г.), продолжительность – 30 месяцев (дата начала – 1 декабря 2008 г., дата окончания – 31 мая 2011 г.). Разработка плана мероприятий будет завершена в мае.

Организаторы проекта планируют достичь следующих результатов:

– создать условия для совершенствования деятельности структур, участвующих в оказании бесплатной юридической помощи, для развития в этой сфере и восприятия передового опыта Европейского Союза;

– повысить уровень информированности социально неблагополучного населения о бесплатной юридической помощи и востребованность этой помощи;

– создать систему внесудебного разрешения гражданских и административных споров;

– развить механизмы донорской координации, позволяющие эффективно содействовать доступу к правосудию, получать и распространять информацию в этой сфере.

Открывший встречу Пол Вандорен пояснил, что проект даст возможность внедрить в России новые механизмы и институты, которые будут специально разработаны экспертами и правоведами из ЕС, без расходования на эти цели средств из российского бюджета. Участники проекта смогут скоординировать свои разработки, а также на практике проверить, в какой мере эти разработки будут содействовать открытости судов, эффективности правосудия и доступу к нему. С этой целью четыре российских региона выбраны в качестве пилотных.

Пит Блонде рассказал о том, что проект «Улучшение доступа к правосудию в Российской Федерации» тесно связан с другими проектами, финансируемыми Европейским Союзом. В их числе проект, направленный на повышение эффективности работы судов, который будет запущен во второй половине 2009 г.

Необходимым условием улучшения доступа к правосудию является развитие законодательства в этой сфере. Как отметил С.В. Пчелинцев, Государственно-правовое управление Президента РФ имеет все основания полагать, что обсуждаемый проект будет способствовать совершенствованию нормативной базы Российской Федерации в области правосудия. В прошедшем году Президент РФ Д.А. Медведев принял серьезные меры, направленные на развитие законодательства, регулирующего вопросы доступа к правосудию. 12 декабря 2008 г. принят и 1 июля 2010 г. вступит в силу Федеральный закон № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», аналогов которому в других странах нет. В мае 2008 г. была образована рабочая группа по вопросам реформирования законодательства о судебной системе, которую возглавила начальник Государственно-правового управления помощник Президента РФ Л.И. Брычёва.

Большое внимание уделяется и мерам по введению примирительных процедур, поскольку медиация призвана, с одной стороны, разгрузить суды, а с другой – открыть гражданам простой и понятный для них путь разрешения споров. В конце прошлого года было принято решение к сентябрю 2009 г. доработать проект федерального закона «О примирительной процедуре с участием посредника (медиации)», внесенный в ноябре 2008 г. в Государственную Думу ФС РФ.

По поручению Правительственной комиссии по административной реформе Минюст России разрабатывает проект закона о субсидируемой юридической помощи в Российской Федерации и о внесении соответствующих изменений в действующее законодательство, который в первом полугодии 2009 г. должен быть представлен в Правительство РФ.

К решению этих задач будет привлечен потенциал проекта «Улучшение доступа к правосудию в Российской Федерации». О его значении свидетельствует включение в его руководящий комитет референтов ГПУ, имеющих большой опыт работы в областях, которые выделены в качестве основных направлений проекта, – О.А. Тарасова, П.В. Степанова, Е.М. Орловой.

О.А. Тарасов, который будет заниматься вопросами стратегического планирования проекта, подчеркнул, что добиться положительных результатов возможно только при условии максимальной координации усилий всех его участников, деятельности государственных и негосударственных структур, экспертов, научного сообщества. В рамках проекта запланированы мероприятия, касающиеся анализа ситуации, информационной поддержки и выработки рекомендаций, которые будут иметь значение и для Минюста России, и для адвокатского сообщества, и для органов исполнительной власти регионов.

«Для адвокатов большая честь, что наша территория избрана местом старта этого проекта», – сказал Е.В. Семеняко. Он привлек внимание к тем направлениям проекта, которые связаны с разработкой законодательства, регулирующего доступ к квалифицированной юридической помощи: «Когда мы говорим о доступе граждан к правосудию, нельзя забывать о том, кто и как сопровождает их на пути к суду, то есть о качестве юридической помощи». Представители ФПА входят в рабочую группу Минюста по подготовке проекта закона о создании единой государственной системы правовой помощи. Эта система призвана обеспечить реализацию конституционной нормы, гарантирующей каждому право на квалифицированную юридическую помощь.

Поскольку проект предполагает привлечение зарубежного опыта, следует опираться на те достижения, которые существуют в других странах. По мнению ФПА, очень эффективная система, позволяющая в полной мере обеспечивать гражданам доступ к квалифицированной юридической помощи, создана в Голландии. Однако в России проблема качества пока не решена, так как не определены на законодательном уровне субъекты оказания квалифицированной юридической помощи. Без решения этой проблемы вряд ли можно говорить о коренном изменении ситуации.

Министр юстиции Чувашской Республики В.П. Петров, начальник Государственно-правового управления Республики Татарстан Р.А. Сахиева, руководитель Управления законодательных инициатив и правового сотрудничества Главного правового управления Аппарата Правительства Самарской области А.В. Бекин, представитель губернатора Рязанской области Т.А. Зенина выразили уверенность в том, что благодаря реализации проекта представляемые ими регионы смогут решить те проблемы обеспечения доступа к правосудию, с которыми не смогли справиться самостоятельно. АГ

ЗАЩИТНИКА ВЫЗЫВАЮТ НА ДОПРОС

Непростая ситуация, в которую попали магаданские адвокаты, оказалась неразрешимой для Совета Адвокатской палаты Магаданской области. Мнения членов Совета по поводу того, следует ли адвокатам идти на допрос по делу, свидетелями которого они стали в силу исполнения ими профессиональных обязанностей, разделились 50 на 50. Президент палаты Владимир Непомнящий обратился за помощью к вице-президенту Федеральной палаты адвокатов, председателю комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Генри Резнику.

В письме президента Адвокатской палаты Магаданской области изложена фабула дела, послужившего причиной создавшейся ситуации.

Адвокаты А.Н. Цукуров и В.Г. Максименко осуществляли защиту в судах первой и второй инстанций Р.Р. Сабирова и М.Б. Казакова, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

В октябре прошлого года в ходе открытого процесса в присутствии участников судебного разбирательства подсудимый Сабиров высказал в адрес государственного обвинителя А. Бабича выражения, являющиеся недопустимыми в условиях публичного общения, чем выразил свое неуважение суду. По данному факту в отношении Сабирова было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ (неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства). По этому делу следователь вызвал адвоката А.Н. Цукурова на допрос в качестве свидетеля. И в этот же день подсудимый Сабиров обратился в Магаданскую областную коллегию адвокатов с письменным заявлением о назначении ему адвоката Цукурова для его защиты по делу о неуважении к суду.

Коллегия выдала адвокату ордер. Но следователь отказался допустить Цукурова в качестве защитника Сабирова по делу о неуважении к суду на основании того, что адвокат являлся очевидцем и фактическим свидетелем совершенного Сабировым преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ. Однако адвокат Цукуров заключил соглашение с родственником Сабирова на его защиту по указанному делу.

Такая настойчивость адвоката привела к тому, что следователь на основании ч. 1 ст. 56, п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ вынес постановление об отказе в допуске Цукурова для участия в уголовном деле о неуважении к суду.

Отказываясь выступать в роли свидетеля по данному делу, Цукуров обратился в Совет с письменным заявлением, в котором просил дать разъяснения, как действовать в сложившейся ситуации.

С подобным письмом обратился в Совет палаты и адвокат Максименко, которого следователь также приглашал на допрос в качестве свидетеля по делу о неуважении к суду. «Обстоятельства, по которым меня намерены допросить, – писал он президенту палаты, – стали мне известными в силу оказания правовой помощи по уголовному делу № 73114 в отношении М.Б. Казакова и Р.Р. Сабирова. Уголовное дело № 73225 возбуждено в отношении Р.Р. Сабирова за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участника уголовного судопроизводства – государственного обвинителя».

Максименко просил дать ему разъяснения по вопросам:

«1. Могу ли я при изложенных обстоятельствах быть свидетелем обвинения?

2. Не распространяются ли на меня положения п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и могу ли я со ссылкой на указанную норму закона отказаться от дачи показаний?».

Переадресовывая эти вопросы вице-президенту ФПА, В.В. Непомнящий спрашивал также, чем являются обстоятельства, послужившие основанием и поводом для возбуждения уголовного дела в отношении Сабирова за неуважение к суду и ставшие известными адвокатам Цукурову и Максименко в связи с оказанием ими юридической помощи, – сведениями, составляющими адвокатскую тайну (п. 2 ст. 6 КПЭА), или сведениями, ставшими известными адвокатам в связи с оказанием юридической помощи (ч. 3 ст. 56 УПК РФ)?

Будет ли этичным и не подрывающим доверие к адвокатам и адвокатуре дача адвокатами Цукуровым и Максименко свидетельских показаний по уголовному делу, возбужденному в отношении Сабирова за неуважение к суду, учитывая, что адвокаты являлись защитниками Казакова и Сабирова по другому уголовному делу, в ходе рассмотрения которого в условиях судебного заседания Сабиров допустил неуважение к суду, спрашивал президент АП Магаданской области.

В ответ на этот запрос вице-президентом ФПА РФ Г.М. Резником подготовлено следующее заключение.

1. Оба адвоката-защитника по уголовному делу № 73114 не подлежат допросу в качестве свидетеля по новому уголовному делу (№ 73225), возбужденному в отношении Р.Р. Сабирова по признакам ч. 1 ст. 297 УК РФ, в силу установленного п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ запрета допрашивать адвоката, защитника подозреваемого, обвиняемого об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

Такой запрет предусмотрен также п. 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Закон) и в несколько иной редакции воспроизводится в п. 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА), который в соответствии с п. 2 ст. 4 Закона «устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности».

Недопустимость допроса в качестве свидетеля адвоката А.Н. Цукурова, выступавшего в судебном разбирательстве защитником обвиняемого Сабирова, достаточно очевидна, можно сказать, лежит на поверхности. Ни при каких условиях адвокат не может быть понужден свидетельствовать против своего подзащитного, в данном случае – о его поведении в судебном процессе. Противное означало бы, по сути, отрицание принципа обеспечения обвиняемому я права на защиту.

Такое понимание свидетельского иммунитета адвоката не только освящено многовековыми традициями адвокатской профессии, оно прочно утвердилось в уголовно-процессуальной науке.

Так, в авторитетном научно-практическом источнике при комментировании ст. 56 УПК РФ разъясняется:

> ***«Допрос адвоката, участвовавшего в производстве по делу в качестве защитника или представителя, об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с исполнением своих обязанностей в процессе, недопустим, поскольку это подорвет доверие к нему со стороны доверителя и поставит под сомнение конституционный принцип обеспечения каждому права на получение квалифицированной юридической помощи»*** (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации /Отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2004. – С. 125).

В другом Комментарии к УПК РФ запрет допроса адвоката в качестве свидетеля прямо подкрепляется описанием абсолютно такой же ситуации, как та, в которой оказались магаданские адвокаты:

«В частности, неправомерен вызов и допрос защитника об обстоятельствах совершения его подзащитным нового преступления, очевидцем которого был защитник, если он присутствовал при этом в связи с оказанием обвиняемому или подозреваемому юридической помощи по другому делу» (Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2004. – С. 183).

Адвокат В.Г. Максименко в уголовном деле № 73114 защищал другого подсудимого – М.Б. Казакова, и все сведения о событии, происшедшем в судебном разбирательстве, также стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи. Сабиров и Казаков – соучастники в совершении тяжкого насильственного преступления, их действия объединены единым преступным умыслом, защита одного неразрывно связана с защитой другого. Дача свидетельских показаний адвокатом Максименко против Сабирова способна породить конфликт между подельниками и причинить вред доверителю Максименко Казакову, а, учитывая нравы, существующие в преступной среде, вред этот может быть весьма серьезным, даже непоправимым. Кроме того, неизвестны все обстоятельства происшедшего, вполне допустима причастность к действиям Сабирова самого Казакова.

Девиз адвокатской профессии с древних времен – «Ne nocere» (Не навреди). В ст. 1 КПЭА особо отмечается, что обязательные для адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности основаны на нравственных критериях и традициях адвокатуры. Действия, совершенные адвокатом во вред клиенту, разрушают основу профессии – доверительные отношения адвоката с клиентом. В соответствии со ст. 5 КПЭА «адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия». Поэтому запрет допроса в качестве свидетеля, предусмотренный п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, распространяется в полной мере и на адвоката В.Г. Максименко.

Вы сообщаете, что адвокаты Цукуров и Максименко вызваны следователем на допрос. Действия следователя неправомерны: если субъект не подлежит допросу, то он и не должен на него вызываться. Такое, единственно соответствующее смыслу ч. 3 ст. 56 УПК РФ толкование дается, в частности, в специально изданном для следователей методическом руководстве, подготовленном заместителем начальника Управления методического обеспечения Генеральной прокуратуры РФ, государственным советником юстиции II класса Н.П. Коротковым и старшим прокурором этого Управления А.А. Тимофеевым (900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий. М., 2004):

«Вопрос: Как понимать требования закона о том, что указанные в ч. 3 ст. 56 УПК РФ лица “не подлежат допросу”?

Ответ: *Если лицо в силу свидетельского иммунитета не подлежит допросу об обстоятельствах, указанных в соответствующих пунктах ч. 3 ст. 56 УПК РФ, то оно не должно вызываться на допрос. Это право вытекает из отсутствия процессуальной обязанности лица, обладающего названным выше свидетельским иммунитетом явиться к следователю и оснований в силу этого для его принудительного привода либо применения иной меры процессуального принуждения, предусмотренной ч. 2 ст. 111 УПК РФ. <...>*

Вопрос: Вправе ли судья, защитник, адвокат, священнослужитель, член Совета Федерации, депутат Государственной Думы не явиться по вызову на допрос об обстоятельствах, указанных в ч. 3 ст. 56 УПК РФ?

Ответ: *Судья, защитник, адвокат, священнослужитель, член Совета Федерации, депутат Государственной Думы обладают свидетельским иммунитетом относительно обстоятельств, изложенных в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, и, как указано в этой норме, допросу не подлежат. Полагаем, что в силу этого указанные лица вправе не явиться на такой допрос, однако обязаны в соответствии с ч. 3 ст. 188 УПК РФ заранее уведомить следователя о причинах неявки. В данном случае при неявке по названной причине данные лица принудительному приводу или иной мере процессуального принуждения подвергнуты быть не могут» (с. 138–139, 141).*

Исходя из изложенного, адвокатам Цукурову и Максименко следует уведомить следователя о невозможности их допроса в силу п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и неявке по данной причине по вызову. При получении повторной повестки обжаловать незаконные действия следователя руководителю следственного органа или в суд.

2. Адвокат Цукуров не должен был принимать поручение на защиту Сабирова по новому уголовному делу (№ 73225). В соответствии с абз. 3 подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он является по данному делу потерпевшим или свидетелем. Понятия «потерпевший» и «свидетель» в контексте данной нормы наделены не формально-процессуальным, а фактическим содержанием.

Свидетельский иммунитет адвоката не устраняет того несомненного факта, что он обладает сведениями об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, т.е. является свидетелем или даже, как в данном случае, очевидцем преступления.

Введенный в закон запрет адвокату принимать поручение на защиту (представительство), если по данному делу он является потерпевшим или свидетелем, имеет глубокое профессионально-нравственное основание.

В соответствии с основными принципами адвокатской деятельности, закрепленными КПЭА, «адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (ст. 4), «честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально» исполнять свои обязанности (ст. 8). Эти принципы неизбежно нарушаются, если адвокат вступает в дело, будучи очевидцем преступления, совершенного его подзащитным.

Свои полномочия адвокат-защитник реализует главным образом в процессе доказывания по делу – собирая, представляя и оценивая доказательства, участвуя в допросах, очных ставках, экспертизах. В уголовном судопроизводстве для адвоката доказательства – единственный источник познания, защищая обвиняемого, он формирует свое отношение к ним, доводит до суда свои сомнения или убеждение в их достоверности.

Непосредственное знание очевидца преступления исключает для адвоката возможность честно, добросовестно и принципиально осуществлять защиту, отстаивать позицию обвиняемого, этому знанию противоречащую. А если о том, что адвокат являлся очевидцем происшедшего, как в данном случае, всем широко известно, его участие в уголовном судопроизводстве воспринимается как фарс, порочащий престиж адвокатуры, честь и достоинство профессии.

Учитывая, что адвокат А.Н. Цукуров не приступил к защите Сабирова в новом уголовном деле в связи с отказом следователя в допуске, ему следует расторгнуть заключенное с ним соглашение. АГ

От редакции

Когда номер готовился к печати, из Магадана пришло письмо от президента АП Магаданской области В.В. Непомнящего, в котором сообщается:

Уважаемый Генри Маркович!

Огромное спасибо за заключение, которое сразу же было доведено до адвокатов В.Г. Максименко и А.Н. Цукурова.

К сожалению, адвокат Максименко 24 февраля 2009 г. был принудительно доставлен к следователю и вынужденно дал показания в качестве свидетеля. В настоящее время активно готовится к обжалованию неправомерных действий следователя.

Адвокат Цукуров воспользовался Вашим заключением, 12 марта 2009 г. лично вручил следователю под роспись мотивированное уведомление о невозможности его допроса и ознакомил следователя с текстом Вашего заключения, после чего тот отказался от допроса адвоката.

С уважением
Президент АП Магаданской области В.В. Непомнящий

В ЯКУТИИ ПРОШЛА **КОНФЕРЕНЦИЯ АДВОКАТОВ**

На VI конференции адвокатов Республики Саха оглашены факты нарушения адвокатской тайны со стороны правоохранительных органов

23 марта состоялась VI отчетно-выборная конференция адвокатов Республики Саха (Якутия). Делегаты утвердили отчет президента Адвокатской палаты Юрия Припузова об итогах деятельности адвокатского сообщества республики.

На конференции было отмечено, что до настоящего времени в ряде отдаленных арктических районов оказание квалифицированной юридической помощи является проблемой. Не решен вопрос транспортных и командировочных расходов адвокатов. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает возмещение транспортных расходов (ст. 131 УПК) потерпевшего, свидетеля и других участников процесса, кроме адвокатов. Для устранения этого противоречия в законодательстве Федеральная палата адвокатов РФ обратилась с иском в Конституционный Суд РФ.

Докладчики отметили участившиеся факты нарушения прав адвокатов со стороны правоохранительных органов. Например, нарушая действующее законодательство о запрете проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвокатов, в 2008 г. правоохранительные органы Якутска организовали прослушивание переговоров доверителей с адвокатами Звездай и Хуморовым. По фактам грубого нарушения прав адвокатов и граждан (нарушение адвокатской тайны), нарушения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Совет адвокатской палаты направил в прокуратуру материалы для привлечения к ответственности виновных должностных лиц. 5 марта 2009 г. эти материалы в числе других, в которых говорится о фактах нарушения законодательства органами дознания, следствия и прокуратуры, рассматривались на международной конференции, посвященной адвокатской тайне, в Москве.

Участники республиканской конференции переизбрали членов квалификационной и ревизионной комиссий. Произведена ротация членов Совета Адвокатской палаты РС(Я). По предложению президента адвокатской палаты Юрия Припузова делегатом на IV Всероссийский съезд адвокатов выбрана вице-президент адвокатской палаты Галина Кузьмина.

За высокий профессионализм, многолетнюю адвокатскую практику Федеральной палатой адвокатов РФ награжден орденом «За верность адвокатскому долгу» адвокат Прокопий Васильевич Павлов. Медалями и почетными грамотами ФПА РФ награждены адвокаты Ю. Гладких, Р. Цой, Ю. Пенхасов, Ю. Андреев, Л. Виноградова, Н. Гордя, С. Чукаева, И. Сухарева, В. Талонов, К. Антропов. ФПА РФ подчеркивает, что якутские адвокаты, несмотря на суровый климат, тяжелые условия жизни, сложную транспортную систему, достойно выполняют свои обязанности по защите прав и свобод граждан России, проживающих на территории Республики Саха (Якутия).

Источник информации: Российское информационное агентство «Восток Медиа» (www.vostokmedia.com)

ЭНЕИДА ПО-РУССКИ

Отечественные органы нарушают права защиты неизвестно зачем

При всей святости закона для тружеников правоохранительных органов текущий момент может склонять их к заключению кое-каких сделок с совестью – преследованию несуществующего или, наоборот, игнорированию очевидного. Удивительно, что порой нарушения процессуальных правил допускаются на пустом месте, без каких-либо причин, в связи с чем мать Россия много лет состоит полуофициальной козой отпущения в Европейском суде по правам человека. Не стало исключением и дело авторитетного предпринимателя Мирилашвили, некогда сверкавшего на небосклоне Северной Пальмиры, а ныне признанного жертвой угнетения, – виноватой вновь оказалась вся наша большая страна.

Николай ГОЛИКОВ

История Мирилашвили полна загадок: прокуратура, трудно сказать, насколько обоснованно, подозревала его в том, что после похищения одним из грузинских бандитов его папы, как выражается Европейский суд, «важного бизнесмена», почтительный сын поймал и подверг превентивному задержанию в своем офисе сразу несколько лиц. Часть их была отпущена после того, как похитители вернули свободу Мирилашвили-старшему, но двоих подручным сына по каким-то причинам пришлось задушить, закопав их трупы в отдаленном районе Купчино. Версию другой стороны восстановить не так просто: Европейский суд интересовался ею мало, а сам страдалец предпочитал на эту тему не распространяться, но, по-видимому, виновным себя не считал. В прессу попадали в основном рассуждения публицистов вроде «невиновный, оклеветанный, но не сломленный человек, потерявший свободу и здоровье, продолжает находиться за решеткой» и намеки на то, что местная прокуратура взяла его в оборот в связи с отказом в выплате отступных. В целом общественное мнение, видимо, склоняется к тому, что г-н Мирилашвили пострадал за свою приверженность к семейным ценностям и, как новый Эней, готов носить престарелого отца на плечах, проявляя свою привязанность к нему любыми доступными средствами.

Сын за отца

Не особенно противоречит этому и версия Мирилашвили-отца, который очень трогательно говорил о религиозных табу на убийство, существующих в его семье, слегка подпортив эту сюжетную линию ссылкой на предполагаемую бессмысленность преступления: «Можно еще поверить в то, что он (сын. – *Прим. авт.*) нашел и покарал заказчиков моего похищения. Но нельзя представить себе, что он гоняется за какими-то двумя мелкими уголовниками». Однако, насколько можно понять прокурора, в гонках Мирилашвили никто не обвинял; вопрос заключался в том, каким образом офис оклеветанного, но не сломленного человека превратился в пыточную камеру. С другой стороны, если «два мелких уголовника» были взяты кланом Мирилашвили в заложники, непонятно, почему их не отпустили после освобождения виновника торжества; как они вообще оказались в офисе одного из петербургских королей, если из дома их увели сотрудники милиции, при условии, что последние были настоящими, а не переодетыми. Обо всем этом, в свою очередь, прокуратура, вероятно, старалась поменьше думать, а тем более говорить.

Обилие неудобных эпизодов, возможно, предопределило и тактику защиты подсудимого – не слишком вдаваться в подробности событий, развернувшихся в резиденции Мирилашвили, а вместо того как следует «прессовать» сторону обвинения по поводу того, кто и с какой стати разрешил прослушивать телефонные разговоры этого достойного человека (властям почему-то не хотелось признаться, что это был не кто иной, как председатель горсуда). Соответствующие записи стали весьма неприятным фактором, и было бы хорошо отмести их как недопустимые или хотя бы подорвать доверие к результатам экспертизы. Во-первых, по техническим причинам отсутствовало почти 20 часов записи, относящейся к самому разгару событий (от пропажи Мирилашвили-отца до исчезновения мелких уголовников); во-вторых, как выяснилось, эксперты, удостоверившие тождество выступавшего с подсудимым, не владели грузинским языком. Однако рассматривавший дело суд не придал значения этим печальным фактам. Кроме того, со ссылкой на Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» он категорически отказал защите в раскрытии материалов, связанных с решением о проведении записи.

Эней, несущий на плечах престарелого отца Анхиза

Другим важнейшим доказательством стали письменные показания троих свидетелей, которые были получены следователем и оглашены в судебном заседании. Поскольку эти свидетели проживали в Грузии, суд просил грузинские власти обеспечить их явку в суд. Два свидетеля не вняли призыву (что естественно, поскольку среди них числился и незадачливый похититель Мирилашвили), а один посетил Россию уже после вынесения приговора. Заявитель также не имел возможности допросить их на стадии предварительного следствия.

Зато этих трех свидетелей не поленились допросить в Грузии адвокаты защиты, которые направили в суд их показания, содержавшие отказ от ранее данных. Все они утверждали, что безосновательно обвиняли заявителя, а их прежние показания на следствии были даны под давлением. Защита обратилась в суд с ходатайством о приобщении этих доказательств к делу. Однако суд признал их недопустимыми, поскольку закон запрещал адвокатам защиты допрашивать свидетелей защиты после их допроса стороной обвинения способом, не соответствующим «надлежащей» процедуре сбора доказательств, предусмотренной законом. Подсудимый получил 12 лет, тогда как большинство его подельников были оправданы.

Внимай их пенью и молчи

Это любопытное решение всколыхнуло определенные круги местной интеллигенции, а потерпевшая Маргвелашвили (по версии следствия, захваченная подсудимым в качестве заложницы, но отпущенная), не удержавшись, даже подала на приговор жалобу, полагая, что суд наговаривает на уважаемого человека. Тем не менее приговор был оставлен в кассации без изменения, а Верховный Суд кое-что подправил в нем и урезал г-ну Мирилашвили срок до восьми лет. Однако зримые процессуальные нарушения продолжали стучать в сердца адвокатов, и к ним не остался безучастен Европейский суд, рассмотревший дело заявителя незадолго до Нового года.

Что касается материалов, скрытых от стороны защиты, Европейский суд принял к сведению, что в контексте настоящего дела документы, истребованные заявителем, могли содержать определенные виды конфиденциальной информации, относящейся к государственной безопасности. При таких обстоятельствах судья имел широкие пределы усмотрения при разрешении ходатайства о раскрытии, поданного защитой. Возник вопрос, было ли неразглашение этих материалов уравновешено достаточными процессуальными гарантиями. Материалы, относящиеся к решению о проведении записи, были исследованы председательствующим судьей. Следовательно, решение о сокрытии определенных документов не было принято стороной обвинения в одностороннем порядке.

Однако суд не проанализировал вопрос о том, могли ли данные материалы быть использованы стороной защиты и могло ли их раскрытие, хотя бы предположительно, причинить вред существенным публичным интересам. Решение суда было основано на виде указанного материала, но не на анализе его содержания. С учетом положений закона, который категорически запрещал раскрытие документов, имеющих отношение к оперативно-розыскной деятельности, роль суда при решении вопроса о раскрытии, поставленного стороной защиты, была крайне ограниченной. Оспариваемое решение было неясным и не указывало, какой вид конфиденциальной информации могли содержать материалы, относящиеся к операции слежения. Таким образом, суд согласился с полным исключением всех материалов из состязательного рассмотрения. Кроме того, объектом слежки не являлся заявитель или его подельники (милиция прослушивала телефоны по другому поводу). В итоге решение о нераскрытии материалов не сопровождалось адекватными процессуальными гарантиями и не было достаточно обоснованным.

Арестант, надевший маску, – это снова коммерсант

По вопросу о допустимости свидетельских показаний Европейский суд указал, что по отношению к стороне обвинения защита находилась в неблагоприятном положении: в то время как обвинение могло допрашивать ключевых свидетелей непосредственно, защита была лишена такой возможности. Отсутствие возможности допроса этих свидетелей заявителем лично могло объясняться рядом объективных обстоятельств, находящихся вне контроля российских властей. Тем не менее сам по себе этот факт не является достаточным для заключения о том, что доказательства не были получены и исследованы справедливым способом. Ходатайство защиты о приобщении новых письменных показаний, полученных от свидетелей, было отклонено, хотя они являлись относимыми и существенными. Три упомянутых свидетеля были ключевыми свидетелями обвинения. Отказавшись исследовать новые показания, национальный суд сослался на положение законодательства страны, которое не выглядело преследующим какой-либо существенный законный интерес. При особых обстоятельствах дела, в котором заявитель не имел возможности допросить ключевых свидетелей обвинения в суде или, по крайней мере, на стадии предварительного следствия, отказ приобщить к делу показания, полученные защитой, не являлся оправданным.

Поскольку защита была поставлена в неблагоприятное положение по сравнению с обвинением при рассмотрении существенной части материалов дела, Европейский суд установил, что указанное разбирательство в целом не отвечало

требованиям «справедливого разбирательства» и по делу допущено нарушение требований ст. 6 Конвенции.

К немалому облегчению государства-ответчика великодушный заявитель не стал требовать от него компенсации за причиненные нравственные страдания. Уже через месяц после этого он досидел свой срок и, сложив с себя рубище, вероятно, вернулся к обычным хлопотам; его коллеги (бизнесмены) выражают уверенность, что «для нашего города» он сделает еще не один заметный проект. Однако мирный сон Европейского суда узник совести, возможно, тревожил не случайно, заставив потратить 46 страниц на копание в не таком уж грубом нарушении Конвенции. Мышь, с таким трудом рожденная российской правоохранительной системой, а именно хоть какая-то оценка действий Мирилашвили властями, уже сейчас наполовину загублена ею же по собственному бессмысленному упрямству. Благодаря новой редакции УПК дело любящего магната теперь может быть пересмотрено, и что станет делать суд со свидетелями обвинения и потерпевшими, которые пишут жалобы во славу обвиняемого, предсказать трудно. Тогда привычка секретничать, обостренная желанием подразнить адвокатов, обернется для наших органов новой Энеидой – виновен Мирилашвили или нет, мяч теперь на его стороне. АГ

ЗА ОТЛИЧНЫЙ РЕГЛАМЕНТ

Николай ГОЛИКОВ

Европейский суд продолжает шлифовать процессуальный катехизис

В отличие от наших парламентариев, у судей Европейского суда не слишком много простора для законотворчества, и высший орган европейского правосудия старательно продолжает работу над единственным подвластным ему непосредственно предметом законотворческой деятельности – Регламентом. Переставляя местами слагаемые и заменяя шило на мыло, Суд подготовил его новую редакцию. Адвокаты, обслуживающие конвенционный механизм, вероятно, уже взяли ее на заметку и внесли соответствующие поправки в свой требник самостоятельно. Для остальных приводим краткий обзор переработанных статей, поскольку публикация их полного текста заняла бы слишком много места – с весьма низким полезным эффектом, так как большинство изменений затрагивает нумерацию пунктов.

По сути, в Регламенте только одна полноценная новелла – «распоряжение председателя Суда по практическим вопросам» о защищенной электронной подаче документов, да и та больше касается государств-ответчиков. Отныне правительства государств-участников, присоединившиеся к системе защищенной электронной подачи, направляют все свои письменные сообщения в Суд путем их загрузки на защищенный интернет-сайт, созданный для этой цели. Правда, что менее для них приятно, и принимать письменные сообщения Секретариата Суда им придется путем скачивания с этого сайта, а такие сообщения редко дают этой публике повод торжествовать. Но поскольку никакое счастье не бывает полным, и тут правительства подстерегает неожиданность.

Все письменные сообщения, связанные с ходатайствами о применении предварительных мер согласно правилу 39 Регламента Суда, направляются одновременно двумя способами: через защищенный сайт и по факсу. Приложения, такие как планы, наставления и пр., которые могут не отражаться полностью в электронном формате, могут быть отправлены по почте. Кроме того, Секретариат Суда может предложить отправить документ или приложение в бумажной форме по почте. Если правительство направило документ по почте или факсу, ему следует при первой возможности отправить электронным способом уведомление об отправке с описанием направленного документа, указанием даты отправки и причин, по которым электронная подача невозможна.

К кулаку наша власть не была добра

К прочим участникам конвенционного производства страсбургская власть менее добра: в переработанном до нитки распоряжении председателя о состязательных бумагах появился специальный пункт 4, который устанавливает, что состязательные бумаги и другие документы, поданные по электронной почте, не принимаются (как если бы кто-то пытался это сделать, не зная адреса). Состязательные бумаги впредь должны быть отпечатанными и полностью поддаваться прочтению; иметь шрифт кеглем не менее 12 пунктов для основного текста и не менее 10 пунктов для сносок, интерлиньяж – полтора интервала (отметим в скобках, что даже у нас разрешается писать исковые заявления от руки).

За исключением документов, для которых установлена упомянутая выше система защищенной электронной подачи, все остальные состязательные бумаги, как и все прилагаемые к ним документы, подаются в Секретариат Суда в трех экземплярах, отправленных по почте, или один экземпляр направляется по факсу в сопровождении трех экземпляров, направленных по почте. Вопреки вышеупомянутому распоряжению Суд может разрешить правительству государства-участника подавать состязательные бумаги и другие документы через защищенный сервер. В таких делах распоряжение о состязательных бумагах применяется во взаимосвязи с практическими руководствами о защищенной электронной подаче (почему-то во множественном числе – видимо, единственная новелла представляет собой лишь первую ласточку). Ссылки на предложения, уступки и иные заявления, сделанные в связи с процедурой дружественного урегулирования, в состязательных бумагах, поданных в рамках основного разбирательства, не допускаются, что, в принципе, логично вытекает из правил ст. 38 Конвенции.

При нем блоха жила

Свои «блохи» нашлись и в Распоряжении по практическим вопросам производства относительно возбуждения производства. Жалобу следует, как правило, подавать на бланке, как это установлено п. 1 правила 47 Регламента Суда, и прилагать к ней документы и решения, указанные в подп. «h» п. 1 правила 47 Регламента Суда. Если заявитель излагает свою жалобу в письме, в этом письме хотя бы в краткой форме должна быть изложена цель жалобы, в этом случае течение шестимесячного срока, предусмотренного п. 1 ст. 35 Конвенции, прерывается.

Согласно п. 4 распоряжения, если жалоба подана не на официальном бланке или если первоначальное письмо не содержит всей информации, предусмотренной правилом 47, Секретариат может предложить заявителю заполнить бланк (исходя из буквального смысла, может и не предложить, хоть обычно предлагает). Бланк должен быть возвращен не позднее чем через восемь недель после даты письма Секретариата (ранее – не позднее чем через шесть недель), содержавшего требование о заполнении и возвращении бланка. Несоблюдение этого срока имеет последствия для даты подачи жалобы и может поэтому повлиять на решение вопроса о соблюдении заявителем правила о шестимесячном сроке, содержащегося в п. 1 ст. 35 Конвенции.

Заявителям не возбраняется направлять жалобу по факсу. Однако оригинал письма с подписью должен быть отправлен по почте в течение восьми недель (ранее – пяти дней после отправки факса) с даты письма Секретариата, упомянутого в п. 4. Если в течение шести месяцев (ранее – года) с момента, когда заявителю было предложено представить надлежащим образом оформленный бланк жалобы, он не выполнит этого, досье, заведенное по жалобе, уничтожается. Как можно видеть, одни сроки увеличиваются, другие уменьшаются, третьи исчисляются по-иному – надо надеяться, что все это послужит уменьшению завалов, накопившихся в Суде (последний пресс-релиз председателя Косты называет цифру 100 тыс. дел), и будет способствовать рассмотрению им дел в более или менее разумный срок.

Так сбросим, друзья, наши маски?

Приятные новости ожидают любителей мистификаций. Согласно новой редакции правила 47 заявители, не желающие предать гласности свою личность, должны уведомить об этом и изложить причины такого отступления от обычного правила об открытом доступе к информации о производстве дела в Суде. Председатель палаты может разрешить сохранение анонимности или отдать соответствующее распоряжение по своей инициативе (ранее он мог это сделать в исключительных и надлежащим образом обоснованных случаях).

С хитросплетениями распоряжения о возбуждении производства коррелирует п. 5 того же правила. Датой подачи жалобы для целей п. 1 ст. 35 Конвенции по общему правилу считается дата первой информации, полученной от заявителя, с изложением, даже кратким, цели жалобы, при условии, что надлежащим образом заполненный формуляр жалобы представлен в срок, установленный Судом (ранее этого условия в тексте правила не было). Тем не менее Суд при наличии оснований может принять решение считать датой подачи иную дату.

Остальные поправки еще менее примечательны – самая яркая из них содержится в п. 3 правила 77: теперь о вынесении постановления стороны и Комитет министров будут извещаться путем рассылки обычных копий акта (не заверенных, в отличие от прежней практики). Вероятно, это также приведет к определенной экономии времени, что позволит несколько увеличить производительность Суда – как известно, сейчас он выносит 1500 постановлений в год, и при таких темпах работы ему хватит ровно на 66 лет с шестеркой в периоде (если правозащитная деятельность ответчиков не внесет в это сатанинское число свои коррективы).

Еще один источник ускорения Суд, возможно, неожиданно для самого себя выявил в п. 9 распоряжения по практическим вопросам производства о защищенной электронной подаче, с которого началось наше повествование. В нем внимание правительств обращается на то, что в случае, если на защищенный сайт ими закачан некий документ, исправлять его следует только при крайней необходимости, в качестве которой не рассматривается устранение «незначительных ошибок». АГ

СМИ и ПРЕСТИЖ АДВОКАТУРЫ

Александр ГЛИСКОВ, управляющий партнер адвокатского бюро «Глисков и партнеры» (г. Красноярск), на основе собственного опыта и с учетом мнений, высказанных в литературе, сформулировал рекомендации по взаимодействию адвокатуры со средствами массовой информации.

Адвокатура и СМИ входят в число важнейших институтов гражданского общества. Их объединяет исходное предназначение – защита прав и свобод человека от произвола государства. В действительности для современных СМИ защита личности не входит в число приоритетных целей.

Адвокатура не может сегодня не считаться с существованием СМИ как общественного института, от которого во многом зависит и престиж корпорации, и состояние законодательства об адвокатской деятельности, и репутация отдельных адвокатских образований. А в ряде случаев – и результат по конкретному делу.

При таких условиях взаимодействие адвокатуры со СМИ представляет собой постоянный поиск компромиссов. Ситуация осложняется существованием достаточно строгих этических норм.

С точки зрения представлений об адвокатах, которые СМИ привносят в общество, пресса создает для адвокатуры серьезную угрозу. Подавляющее большинство сообщений об адвокатах посвящено скандальным делам. Если попытаться извлечь из таких материалов собирательный образ адвоката, окажется, что это «ловкий делец», который за большие деньги защищает богатых. Вот что говорит актер, сыгравший в телесериале положительную роль адвоката: «Кто-то из классиков сказал: “Адвокаты – продажная совесть”, – и я с этим полностью согласен, потому что весь смысл их работы заключается в том, чтобы “отмазать” от наказания человека, совершившего преступление» (Все в суд // Теленеделя. 2007. № 9. С. 11).

С точки зрения представлений об адвокатах, которые СМИ привносят в общество, пресса создает для адвокатуры серьезную угрозу.

Для исправления сложившейся ситуации необходимо проводить масштабную и долговременную информационную политику, основная цель которой – убедить общество, что адвокатура – это не сборище юристов, наживающихся на чужом горе, а корпорация высокопрофессиональных правозащитников. Что только адвокаты способны оказать квалифицированную юридическую помощь. Что всевозможные частнопрактикующие юристы, юридические фирмы и юридические агентства никакого отношения к адвокатуре не имеют. В связи с этим хотелось бы обозначить несколько перспективных вариантов взаимодействия со СМИ.

Первый вариант – систематическое освещение в СМИ дел, где участвуют рядовые граждане. Например, жилищные дела, дела о защите прав потребителей и т.п. Общественность должна понимать, что адвокаты защищают не только богатых, что обращение к адвокату – это действенный способ защитить свои права. Сегодня для СМИ получить развернутую информацию о подобных случаях крайне сложно. Доходит до того, что журналисты сами звонят знакомым адвокатам и интересуются, нет ли в их производстве интересных дел. Чтобы облегчить им жизнь, целесообразно создавать в каждой адвокатской палате информационную базу о том, где и когда слушаются подобные дела, у кого из адвокатов можно получить более подробную информацию. Затем нужно проинформировать СМИ о том, как к этой базе получить доступ. Еще лучше договариваться с конкретными редакциями и журналистами, чтобы они эти дела осветили. Комментируя же обстоятельства конкретного дела, можно расставлять акценты, декларируя те идеи, которые выгодны корпорации.

Помимо дел, где адвокаты оказались на высоте, целесообразно освещать дела, где «пираты» показали свой непрофессионализм. И в адвокатские палаты, и к отдельным адвокатам регулярно обращаются лица, обманутые юридическими агентствами. Как показывает практика, большая часть их жалоб вполне обоснованна. Можно отобрать несколько наиболее резонансных дел и устроить «пиратам» показательную «порку».

Второй вариант взаимодействия, который дает больше возможностей для пропаганды, – это ведение в СМИ определенных рубрик и передач. Имеются в виду передачи просветительского характера, а не всевозможные шоу. Редакции СМИ готовы бесплатно предоставлять время и площади для размещения подобных материалов. Им это выгодно. Во-первых, практически все они испытывают дефицит содержания. Во-вторых, они сэкономят на гонорарном фонде: адвокату, в отличие от журналиста, можно не платить – он работает за идею или за репутацию. В-третьих, все более популярной становится журналистика мнений, а не журналистика фактов. Имея же, например, свою еженедельную колонку в газете или блог в Интернете, можно наполнять их идеями, выгодными корпорации.

Понятно, что отдельным адвокатам заниматься подобной деятельностью некогда и невыгодно, – обязанности по взаимодействию с прессой необходимо делегировать. Представляется необходимым создать полноценные пресс-службы в адвокатских палатах субъектов Федерации, укрепить пресс-службу Федеральной палаты адвокатов и повысить ее статус.

Третий вариант взаимодействия со СМИ – заключение с редакциями СМИ договоров на юридическое обслуживание. Сегодня практически все серьезные СМИ ведут судебные процессы по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации, защищают в судах авторские права. Редакционные юристы, привыкшие писать договоры и приказы, как правило, с защитой по таким делам не справляются. Эту нишу вполне могли бы заполнить адвокатские образования. При заключении договора со СМИ на юридическое обслуживание можно обговорить возможность бесплатного размещения необходимых материалов. Еще одно преимущество подобного варианта – предотвращение негативных сообщений, которые СМИ, имеющим договоры с адвокатами, просто совестно будет распространять.

По поводу негативной стороны взаимоотношений со СМИ хотелось бы высказаться отдельно. Зачастую СМИ, стремясь к сенсационности, распространяют порочащие сведения в отношении как представителей адвокатского цеха, так и доверителей. Возникает вопрос: как на подобные публикации реагировать? Хотелось бы, чтобы Федеральная палата адвокатов сформировала по этой проблеме принципиальную позицию. Думается, не следует оставлять без внимания случаи нарушения права на доброе имя. По крайней мере, в тех случаях, когда не соответствующие действительности сведения, а тем более оскорбления, распространены с явной целью опорочить репутацию адвоката, доверителя или повлиять на результат по делу. Необходимо внесение поправки в ст. 298 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за клевету как преступление против правосудия, где наряду с судьями указаны сегодня судебные приставы, но не указаны адвокаты.

Четвертое направление взаимодействия с журналистами – это их обучение. Не так давно на факультетах журналистики ввели обязательный курс «Правовые основы журналистики». Адвокат, поднаторевший в спорах со СМИ, прочитает этот курс лучше среднестатистического университетского преподаватели и с большей пользой для студентов. Итогом же будут теплые отношения с вполне конкретными журналистами. Ниша эта пока не занята, так что ее вполне могут занять и адвокаты.

Наконец, пятый, наименее эффективный вариант взаимодействия адвокатов со СМИ – это публикации и участие в программах на разовой основе. В адрес адвокатов постоянно поступают просьбы прокомментировать конкретное резонансное дело, принять участие в ток-шоу, сняться в программе о семье и доме. По возможности следует соглашаться на подобные предложения. Во-первых, в случае отказа на месте адвоката вполне может оказаться кто-либо из «пиратов», чье поведение и высказывания будут продиктованы совершенно иными интересами. Причем в глазах аудитории он будет

Фото: Марина САМАРИ

восприниматься как адвокат, поскольку для большинства обывателей слова «юрист» и «адвокат» являются сегодня синонимами. Во-вторых, отказ может быть воспринят как нежелание сотрудничать со СМИ в принципе или как стремление утаить некие неблаговидные подробности.

Выстраивая отношения с журналистами, адвокат во всех случаях обязан четко следовать нормам профессиональной этики. Как указывается в разъяснениях Совета Адвокатской палаты г. Москвы, адвокат вправе излагать в прессе свое мнение по политическим и правовым проблемам.

Соглашаясь на предложения со стороны СМИ, адвокаты должны принимать меры к тому, чтобы их высказывания были правильно интерпретированы журналистами.

Соглашаясь на предложения со стороны СМИ, адвокаты должны принимать предупредительные меры с тем, чтобы их высказывания были правильно интерпретированы журналистами. Это могут быть договоренности о согласовании материалов перед их обнародованием, составление пресс-релизов, предоставление ответов на вопросы журналистов в письменном виде и т.п.

При этом публичные высказывания адвокатов должны быть чужды настроениям правового нигилизма и экстремизма. По общему правилу адвокат не должен комментировать дела, в которых он не принимает участия. Категорически недопустимы публичные советы коллегам о том, как им вести дела. С аналогичными разъяснениями выступил ряд адвокатских палат иных субъектов РФ.

Рассматривая вопросы профессиональной этики, М.Ю. Барщевский дает следующие рекомендации адвокатам, выступающим в СМИ:

– публичные высказывания адвоката не должны расходиться с его конкретными профессиональными действиями;

– в публичных выступлениях, касающихся дела клиента, адвокат не должен высказывать точку зрения, отличную от той, которой он придерживался в суде. Выступая в суде, адвокат должен воздерживаться от высказывания иного мнения о существе дела клиента по сравнению с тем, которое ранее им высказывалось публично;

– комментарий адвоката по конкретному делу не может противоречить той позиции, которую адвокат высказывал по тому же правовому вопросу, пусть даже и в теоретическом плане, ранее;

– адвокат не должен выступать с критикой своего клиента, например, в связи с его политическими взглядами (Барщевский М.Ю. Адвокатская этика. М., 2000. С. 149–151).

На практике возникает вопрос о допустимости критики адвокатом состояния дел внутри корпорации. Правила адвокатской профессии дореволюционного периода допускали подобную критику (см.: Правила адвокатской профессии в России... Сост. А.Н. Марков. М., 1913. – М., 2003. – С. 351).

Выстраивая отношения с журналистами, адвокат во всех случаях обязан четко следовать нормам профессиональной этики.

Думается, с учетом принципов самоуправления и равноправия всех адвокатов, на которых основывается адвокатура, критика положения в профессиональном сообществе должна признаваться этически допустимой. Разумеется, в столь деликатном вопросе следует соблюдать особую сдержанность. Как было отмечено в одном из решений советов присяжных поверенных, «члены корпорации должны относиться друг к другу с уважением, не позволяя себе публично, а тем более печатно, резких отзывов и обвинений в недобросовестных поступках, но, убедившись в неправильности или недоброкачественности действий товарища, обязаны заявить о том корпоративному суду – совету. Обвинение одним присяжным поверенным другого помимо совета в печати имеет то невыгодное для всего сословия последствие, что общество легко обобщает подобные единичные обвинения, чем уменьшается уважение ко всей корпорации» (там же). АГ

ПРОДУКТИВНЫЙ ДИАЛОГ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Елена БАСКАКОВА

Фото: Виталий АЛТАБАЕВ («Российский адвокат»)

В Московской государственной юридической академии состоялось совместное заседание Федеральной палаты адвокатов РФ и Комиссии Общественной палаты по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов и реформированием судебно-правовой системы. В заседании участвовали депутаты Госдумы, представители МВД, Минюста, Следственного комитета при прокуратуре РФ.

ФПА РФ представляли Евгений Семеняко, Генри Резник, Юрий Пилипенко, Алексей Галоганов, Геннадий Шаров, а также руководители ряда региональных адвокатских палат.

Участники встречи обсуждали проблемы взаимоотношений адвокатуры с правоохранительными органами, противодействия коррупции, совершенствования квалифицированной юридической помощи. Президент ФПА затронул проблему неурегулированности правового положения огромной армии так называемых свободно практикующих юристов. Семеняко назвал ненормальной ситуацию, при которой доступ к оказанию правовой помощи гражданам, в том числе при представлении их интересов в суде, имеют люди, не обладающие соответствующими знаниями и практическими навыками.

Заместитель министра юстиции Владимир Демидов поддержал руководство ФПА в стремлении увеличить оплату труда адвокатов при защите по назначению и назвал действующие ныне ставки унизительными. После того как ФПА представит необходимые статистические сведения и расчеты, у Минюста появится весомый аргумент для обращения в Минфин и другие государственный органы для исправления этой ситуации.

Председатель Комитета Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству Владимир Плигин заметил, что Минюст пока еще не до конца определился с начатым несколько лет назад экспериментом по созданию сети госюрбюро. А сейчас, когда в его недрах разрабатывается законопроект «О системе оказания государственной правовой помощи малообеспеченным и социально незащищенным категориям граждан», депутатов больше всего интересует его затратная часть. И поскольку предлагаемая система не исключает оказания адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам РФ, было бы правильным максимально использовать именно их профессиональные и организационные возможности.

Собравшиеся выразили обеспокоенность ситуацией, сложившейся с юридическим образованием. В настоящее время десятки тысяч студентов ежегодно получают диплом юриста государственного образца. При этом далеко не все из них обладают достаточными знаниями для работы в практической области. В ходе дискуссии прозвучали предложения о необходимости поднять планку высшего юридического образования. АГ

Константин КАТАНЯН,
директор Института политико-правового анализа

НЕ ВСЕ ОПЕКУНУ МАСЛЕНИЦА

Право на судебную защиту имеют даже недееспособные

О бесправном положении россиян, признанных недееспособными, «Новая адвокатская газета» информировала в № 4 (045), рассказывая об обращении в Страсбургский суд, и в № 5 (046), где опубликован репортаж из Конституционного Суда России. Обжалование в КС ряда положений ГПК и статьи Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» принесло успех – оспоренные нормы признаны не соответствующими Конституции и должны применяться так, чтобы права лиц, чья дееспособность поставлена под сомнение, не нарушались ни их недобросовестными опекунами, ни судьями, ни медицинскими работниками (постановление КС РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П).

Конституционный Суд признал, что положение ч. 1 ст. 284 ГПК РФ позволяет суду принимать решение о признании гражданина недееспособным на основе одного лишь заключения судебно-психиатрической экспертизы, без предоставления гражданину, если его присутствие в судебном заседании не создает опасности для его жизни либо здоровья или для жизни либо здоровья окружающих, возможности изложить суду свою позицию лично либо через выбранных им самим представителей.

Положения ч. 5 ст. 37, ч. 1 ст. 52, п. 3 ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 284 и п. 2 ч. 1 ст. 379.1 ГПК РФ признаны не соответствующими Конституции в той мере, в какой эти положения не позволяют гражданину, признанному судом недееспособным, обжаловать решение суда в кассационном и надзорном порядке в случаях, когда суд первой инстанции не предоставил этому гражданину возможность изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей.

Положение ч. 4 ст. 28 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» не соответствует Конституции, поскольку оно предполагает помещение недееспособного лица в психиатрический стационар без судебного решения, а лишь по заявлению родственников.

Дела граждан Юлии Гудковой, Павла Штукатурова и Марии Яшиной подлежат пересмотру. Однако в стране тысячи других несчастных продолжают оставаться в психушках, не имея возможности подготовить жалобу на судебные решения, принятые, как теперь стало очевидно, в нарушение Конституции РФ. И эту проблему, наверное, нужно как-то решать. В первую очередь законодателю. Но не последнюю роль здесь могут сыграть как правозащитники, так и защитники по специальности – профессиональные адвокаты.

Высший суд обошелся без формальностей

Сегодня, когда решение Конституционного Суда уже вступило в силу, хочется остановиться на тех его положениях, которые закрепляют право гражданина, признанного судом недееспособным, защищать свои законные интересы как самостоятельно, так и с помощью адвоката.

Адвокаты граждан, обратившихся в КС, сумели выдержать натиск представителей органов федеральной власти, защищавших действующие законы и сложившуюся практику. Однако у тех, кто знакомился с делом, возникло законное недоумение: каким образом недееспособные сумели нанять этих адвокатов, чтобы те представляли их интересы в суде. Разрешая вопрос о допустимости принятия жалоб заявителей к рассмотрению с учетом того, что вступившими в законную силу судебными решениями они признаны недееспособными и что жалобы в Конституционный Суд РФ поданы не их законными представителями (опекунами), а лицами, которых они сами выбрали в качестве представителей, КС пришел к следующим выводам.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» не предусматривает какие-либо специальные требования к правовому статусу гражданина-заявителя с точки зрения дееспособности. Согласно общим процедурным правилам участниками процесса считаются стороны, в том числе заявители, а также представители сторон, каковыми могут быть адвокаты или лица, имеющие ученую степень по юридической специальности, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами.

Поскольку КС решает исключительно вопросы права и воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов, он рассматривает лишь конституционность тех норм, которые просят проверить заявители. По смыслу ст. 125 Конституции решение суда о признании гражданина недееспособным подлежит пересмотру, если оно вынесено на основании закона, нормами которого нарушаются конституционные права данного гражданина. Следовательно, гражданин вправе обратиться в КС с жалобой на нарушение своих конституционных прав законоположениями, на основании которых судом общей юрисдикции было вынесено решение о признании его недееспособным (и тем самым, по сути, об ограничении права, гарантированного ст. 60 Конституции РФ). Иное означало бы невозможность проверить, были ли в результате применения предусмотренной законом процедуры признания лица недееспособным нарушены его конституционные права, что, в свою очередь, не соответствовало бы установленным Конституцией гарантиям защиты конституционных прав и свобод. Поскольку такая проверка не может быть осуществлена ни другими внутригосударственными судебными органами, ни каким-либо межгосударственным органом, включая Европейский суд по правам человека, КС признал жалобы заявителей, поданные выбранными ими представителями, допустимыми.

Неотчуждаемые права

КС специально отметил, что «Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и – исходя из того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием, – возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы и охранять достоинство личности». И если государство не справляется с этими обязанностями, оно не должно препятствовать человеку самостоятельно защищать свои права.

Даже если этот человек признан недееспособным, это вовсе не означает, что он не в состоянии осуществлять все свои права и обязанности, контролировать все свои действия. К тому же у человека есть права, которых его вообще нельзя лишить, даже если он страдает психическими расстройствами. Речь идет, в частности, о праве каждого на судебную защиту, носящее универсальный характер и выступающее процессуальной гарантией в отношении всех конституционных прав и свобод, и право каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

Согласно Конституции граждане, признанные судом недееспособными, не имеют права избирать и быть избранными. Каких-либо других ограничений в отношении недееспособных лиц Конституция непосредственно не предусматривает. Исходя из этого, КС решил, что лицо, страдающее психическим расстройством, может быть лишено свободы в целях принудительного лечения только по судебному решению в порядке, установленном законом. Но при условии, что предоставляемая такому лицу судебная защита является справедливой, полной и эффективной, включая обеспечение ему права на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе права пользоваться помощью выбранного им самим адвоката. А ограничения, связанные с процедурами признания лица недееспособным, должны отвечать критериям разумности и соразмерности.

Ссылаясь на акты международного права, КС подтвердил право лица, дееспособность которого является предметом судебного разбирательства, быть представленным адвокатом, а также право наравне со своим личным представителем, если таковой имеется, и любым другим заинтересованным лицом обжаловать любое решение о недееспособности в вышестоящем суде.

И наконец, должна быть предусмотрена возможность периодического пересмотра решения о признании лица недееспособным, так как его болезнь может иметь ограниченную продолжительность.

«Отсутствие в процессуальном законодательстве основанного на обязательном учете реальной способности лица осуществлять процессуальные действия дифференцированного регулирования прав тех, у кого такая способность, несмотря на заболевание, сохранена, и тех, кто действительно по своему психическому состоянию не может самостоятельно защищать свои права, не соответствует международным обязательствам Российской Федерации и законодательству Российской Федерации о психиатрической помощи и не обеспечивает защиту прав личности от необоснованных ограничений», – отметил КС.

Сам себе представитель

Принудительные меры медицинского характера не исключают возможности самостоятельно реализовывать свои процессуальные права.

Поэтому для решения вопросов, связанных с признанием лица недееспособным и его госпитализацией в психиатрический стационар в недобровольном порядке, допускается личное участие такого лица в судебном заседании, если это возможно по его состоянию здоровья. Если же это невозможно, то интересы этого лица должен представлять нанятый им самим адвокат. А если гражданин не в состоянии нанять адвоката, суд обязан назначить ему защитника. Опекуны являются законными представителями своих подопечных и вправе выступать в защиту их прав и законных интересов в любых отношениях без специального полномочия. Но наличие опекуна не может являться основанием для лишения этого гражданина гражданской процессуальной дееспособности, т.е. возможности своими действиями в полном объеме осуществлять принадлежащие ему процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде другому представителю.

Не обеспечивая лицу, в отношении которого рассматривается дело о признании недееспособным, равных с другими участниками разбирательства процессуальных возможностей по отстаиванию своей позиции и защите своих интересов при рассмотрении дела, государство нарушает принципы справедливости правосудия, а также состязательности и равноправия сторон в судебном процессе. И следовательно, нарушает ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также целый ряд статей Конституции РФ. АГ

Абдула ГАДЖИЕВ,
адвокат Химкинского филиала МОКА

Фото: Марина САМАРИ

БЛИЗОРУКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Судебная тяжба, о которой автор рассказал в статье «С иском к председателю» (см. «АГ» № 3 (044) за 2009 г.), могла бы благополучно закончиться в Мосгорсуде, где 25 февраля 2009 г. рассматривалась его кассационная жалоба на постановление Пресненского районного суда г. Москвы от 30 декабря 2008 г. Этим постановлением была признана необоснованной его жалоба на бездействие следователя К.В. Цепелева. Подавая кассационную жалобу в Московский городской суд, адвокат полагал, что многоступенчатая система органов правосудия создана для того, чтобы вышестоящий суд мог исправить ошибку суда первой инстанции. Но его ожидания не оправдались.

На мой взгляд, отношение правоохранительных органов к этому делу отражает перекос, наметившийся в последние годы в практике судов в случаях, когда оспариваются действия или бездействие представителей правоохранительной системы. Перекос вдвойне усиливается, если действия должностного лица правоохранительной системы оспаривает адвокат.

В статье «С иском к председателю» были приведены некоторые подробности этого беспрецедентного дела. Столкнувшись с фактами затягивания рассмотрения в Верховном Суде РФ поданных мною надзорных жалоб по уголовным и гражданским делам, отчаявшись найти решение этой проблемы обычным способом, то есть путем подачи жалоб и обращений, я был вынужден инициировать возбуждение уголовного дела против Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева.

21 октября 2008 г. я обратился к председателю Следственного комитета при прокуратуре РФ А.И. Бастрыкину с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева по ст. 293 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за халатность, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе. При этом я указал, что обеспечение контроля за соблюдением процессуальных сроков рассмотрения поступивших в суд жалоб – прямая обязанность председателя суда, закрепленная ст. 6.2 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

Следственный комитет отправил мое заявление на рассмотрение в Следственное управление СК по г. Москве, которое «спустило» его в следственный отдел по Пресненскому району. Следователь этого следственного отдела К.В. Цепелев, естественно, не отважился на возбуждение уголовного дела против Председателя Верховного Суда. Он решил отделаться отпиской о том, что не находит оснований для проведения проверки, поскольку не усматривает признаков преступления. Иными словами, он не провел проверку, как того требует процессуальный закон (ст. 144–145 УПК РФ).

Мне оставалось только в порядке ст. 125 УПК РФ подать жалобу на бездействие следователя Цепелева в Пресненский районный суд, требуя обязать последнего проверить заявление и принять по нему процессуальное решение.

Вел это дело судья Пресненского районного суда с популярной фамилией Гайдар. Казалось, что до восстановления справедливости – всего один шаг. Но судье О.Ю. Гайдару не хватило смелости признать мою правоту, несмотря на то что следователь Цепелев принял решение не проверять мое заявление о возбуждении уголовного дела исключительно на основании ведомственной Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета при прокуратуре РФ и без вынесения постановления.

Отказывая в удовлетворении жалобы, судья Гайдар проявил чудеса изобретательности. Он признал решение следователя Цепелева законным, ссылаясь на другую ведомственную Инструкцию – о едином порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в системе Следственного комитета при прокуратуре РФ, которая в ответе Цепелева даже не упоминалась.

И следователь Цепелев, и судья Гайдар напрочь забыли о том, что все заявления и сообщения о преступлениях разрешаются исключительно на основании норм УПК РФ. Именно поэтому их ссылка на некие ведомственные инструкции является совершенно недопустимой.

Ссылка на эти инструкции недопустима и по другой причине, о которой должен был знать хотя бы судья Гайдар: упомянутые ведомственные инструкции Следственного комитета при прокуратуре РФ не были зарегистрированы в установленном законом порядке и опубликованы в прессе.

Очевидно, следователь Цепелев и судья Гайдар не знают о существовании ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, которая гласит: «...Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

По итогам кассационного рассмотрения моей жалобы выяснилось, что судьи Московского городского суда Конституцию РФ все же читали: на упомянутые инструкции они в своем определении не ссылаются. Но это не подвигло их к принятию законного решения, хотя согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ судьи оценивают доказательства и принимают решение, руководствуясь законом и совестью.

Судьи кассационной инстанции (Говоров, Мариненко, Тур), если судить по содержанию подписанного ими кассационного определения, не руководствовались ни тем ни другим. Они признали решение судьи Гайдара правильным на том основании, что отсутствуют «достаточные данные, указывающие на признаки преступления».

Между тем эти судьи, сделав правильный вывод о том, что в данном случае следовало руководствоваться нормами УПК РФ, на чем настаивал и я, допустили ошибку, придя к выводу об отсутствии признаков преступления. Они прекрасно знали, что такой вывод сделан ими по материалу, который никем не был проверен.

Примечательно, что кассационная инстанция признала: «...по результатам рассмотрения сообщения о преступлении следователем должно быть вынесено соответствующее постановление, содержащее либо решение о возбуждении уголовного дела, либо решение об отказе в возбуждении уголовного дела». Однако кассационная коллегия не указала в своем определении, почему следователь Цепелев не обязан был поступить именно так. На эту «мелочь» – невынесение следователем Цепелевым процессуального решения в виде постановления – не обратил внимания и Пресненский районный суд.

Не стоит забывать о том, что к заявлению о возбуждении уголовного дела против В.М. Лебедева я приложил немало документов, подтверждающих мои доводы о наличии в его действиях признаков халатности. Пока эти документы, увы, никто не проверял.

Судя по всему, мне придется судиться до тех пор, пока кто-нибудь не проверит обоснованность моих претензий к Верховному Суду РФ и Председателю ВС РФ В.М. Лебедеву. Очень может быть, что для этого придется обратиться в надзорную инстанцию Верховного Суда РФ, которую возглавляет В.М. Лебедев.

Поживем – увидим. А пока я готовлю надзорную жалобу в Президиум Московского городского суда. АГ

ЧИСЛО ОСУЖДЕННЫХ ВОЗРОСЛО

В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ

Судебный департамент при Верховном Суде РФ опубликовал оперативные показатели работы судов общей юрисдикции за 12 месяцев 2008 г.

За год в суды общей юрисдикции поступило 1 124 003 уголовных дел. Число осужденных по ним составило 941 933 (за 2007 г. этот показатель составлял 935 090 человек). Больше всего осужденных по ст. 158 «Кража» УК РФ – 304 466. Следом идут преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, – 102 649 осужденных, затем грабеж – 74 850.

С участием присяжных заседателей рассмотрено 437 дел, по которым вынесен приговор (в 2007 г. – 532). Число осужденных по ним – 899, оправданных – 236.

В рамках гражданского производства поступило 10 621 824 дела (в 2007 г. – 9 012 961), окончено 10 720 330, из них с нарушением сроков – 378 707.

Число лиц, подвергнутых административным наказаниям, составило 4 384 004.

Источник информации: www.cdep.ru

Число осужденных по уголовных делам

2007 г.	
Всего	**935 090**
2008 г.	
Всего	**941 933**
из них:	
за кражу	304 466
за незаконный оборот наркотических средств	102 649
за грабеж	74 850

ИНОГДА ДЕКЛАРАЦИИ ПОДМЕНЯЮТ ЗАКОН

Наряду с пробелами Уголовно-процессуальный кодекс имеет и другой недостаток – содержит много норм декларативного характера, совершенно ненужных, псевдодемократических, загромождающих уголовный процесс, не применяемых или требующих неоправданных затрат из бюджета.

Галина АФАНАСЬЕВА,
адвокат, заслуженный юрист Республики Татарстан

Роман АФАНАСЬЕВ,
студент IV курса филиала Казанского государственного университета в г. Набережные Челны

Шедевр беззакония

В статье «Условия для провокации» («АГ» № 14 (031) за 2008 г.) на примере уголовного дела по обвинению Т. в продаже наркотических средств мы исследовали возникновение в уголовном судопроизводстве условий для нарушения права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Мы показали, что применение ч. 5 ст. 151 УПК РФ, согласно которой по ряду преступлений предварительное следствие может быть произведено следователями органа, выявившего преступление, создает условия для получения недопустимых доказательств.

Ожидая рассмотрения жалобы, поданной по делу Т. в Европейский суд по правам человека, мы подали надзорную жалобу в Верховный Суд РФ и в конце декабря 2008 г. получили постановление об отказе в ее удовлетворении. Это постановление принято без истребования и изучения уголовного дела, с неправильным изложением резолютивной части жалобы и ссылкой на недопустимые доказательства.

К сожалению, права Т. были грубо нарушены и в стадии исполнения наказания: несмотря на то, что он родился, постоянно проживал и был осужден в г. Набережные Челны Республики Татарстан, его направили для отбывания наказания в исправительное учреждение, расположенное в Омской области. Это противоречит ст. 73 УИК РФ, устанавливающей, что осужденные к лишению свободы отбывают наказание в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены. В Республике Татарстан (в г. Казани, Нижнекамске, Альметьевске, Менделеевске) имеются исправительные колонии строгого режима, поэтому объективных причин для направления Т. в г. Омск не было.

Т. имеет семью – родителей, супругу и сына. Супруга Т. ожидает второго ребенка, состояние здоровья родителей неудовлетворительно, что подтверждается медицинскими справками. То обстоятельство, что Т. отбывает наказание в Западной Сибири, препятствует сохранению его социальных и семейных связей и осложнит его социальную адаптацию после освобождения. В условиях высоких железнодорожных и авиационных тарифов для семьи Т. весьма затруднительно приезжать к нему на свидания, а для самого Т. – реализовать свое право на выезды к месту жительства в связи с исключительными личными обстоятельствами и в отпуск.

«Ваше ходатайство по вопросу перевода осужденного Т. из исправительного учреждения Омской области в исправительное учреждение Республики Татарстан рассмотрено.

Поскольку по месту осуждения и проживания до ареста в Республике Татарстан в исправительных колониях строгого режима отсутствовали условия для размещения осужденных, Т. был направлен в исправительное учреждение Омской области в соответствии с ч. 2 ст. 73 УИК РФ.

В соответствии с требованиями ч. 1 ст. 81 УИК РФ осужденные должны отбывать весь срок наказания, как правило, в одном исправительном учреждении.

Обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 81 УИК РФ, препятствующих дальнейшему отбыванию наказания осужденного Т. в данном исправительном учреждении, не имеется.

Учитывая изложенное, просьба о переводе осужденного оставлена без удовлетворения».

Этот ответ не нуждается в комментариях и, без всяких сомнений, представляет собой шедевр беззакония. Решение чиновника является окончательным в пределах нашего государства, но подождем, как разрешит эту ситуацию Европейский суд.

Вопрос о переводе из одного пенитенциарного учреждения РФ в другое не входит в установленный ст. 397 УПК РФ перечень вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора. Это пробел в законе, который необходимо восполнить, тем более что вопрос о передаче гражданина иностранного государства, осужденного к лишению свободы судом РФ, для отбывания наказания в государство, гражданином которого он является, в ст. 397 УПК РФ предусмотрен.

Кстати, можно привести еще один пример, касающийся применения ст. 397 УПК РФ. Н. был осужден одним из районных судов Республики Татарстан к лишению свободы за совершение хозяйственных правонарушений и в течение почти пяти месяцев, до рассмотрения его кассационной жалобы в Верховном Суде РТ, находился в следственном изоляторе. Приговор был отменен, Н. освобожден из-под стражи, при новом рассмотрении дела Н. была назначена мера наказания в виде лишения свободы условно. Тем не менее при рассмотрении ходатайства о досрочном освобождении Н. от наказания суд отказал в удовлетворении ходатайства о зачете времени содержания Н. под стражей (ч. 11 ст. 397 УПК РФ). Свой отказ суд мотивировал тем, что зачет времени содержания под стражей при условном осуждении законом не предусмотрен. Таковы гримасы провинциальной Фемиды.

Возвращаясь к судьбе осужденного Т., отметим, что если бы наш коллега, защищавший его законные права и интересы на предварительном следствии и в суде, при ознакомлении с материалами уголовного дела в соответствии со ст. 217 УПК РФ заявил обоснованное ходатайство о прекращении уголовного дела за недоказанностью, то вряд ли был бы вынесен суровый приговор и осужденный направлен для отбывания наказания из Волго-Вятского региона в Западную Сибирь.

«Ничего не поделаешь... Кажется, я окончательно потерял веру в непогрешимость правосудия... Да, существует судебный аппарат, веками сложившиеся процедуры, весь этот, в общем-то, театральный ритуал... Но что за этим?»

(Из фильма Хосе Джованни (Jose Giovanni) «Двое в городе» (Deux hommes dans la ville), 1973).

Таким образом, в данном случае нарушаются закрепленные в ст. 8 УИК РФ принципы уголовно-исполнительного законодательства: законность, гуманизм, демократизм, равенство осужденных перед законом, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием.

Отбывание Т. наказания в пределах Республики Татарстан создало бы благоприятные условия для его исправления, дало бы возможность семье оказывать положительное влияние на его поведение. Такой порядок отбывания наказания избавил бы его родственников от значительных расходов, когда они приезжают на свидания, направляют посылки и бандероли, а осужденному позволил бы реально пользоваться правом на выезды.

Мы направили в Федеральную службу исполнения наказаний Минюста России ходатайство о переводе Т. из исправительного учреждения Омской области в одно из аналогичных пенитенциарных учреждений Республики Татарстан. Мы не сомневались в положительном результате, но увы... Получив ответ чиновника ФСИН, мы и родственники Т. испытали состояние полной беспомощности. Приведем этот текст полностью:

Псевдодемократические нормы

Наряду с пробелами уголовно-процессуальный закон имеет и другой недостаток – содержит много норм декларативного характера, совершено ненужных, псевдодемократических, загромождающих уголовный процесс, не применяемых или требующих неоправданных затрат из бюджета.

Чисто декларативными являются положения о судебном порядке рассмотрения жалоб (ст. 125 УПК РФ). Безусловно, во многих случаях суд признает действия, бездействие, решения дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора незаконными и необоснованными и обязывает устранить допущенные нарушения. Но эти судебные решения не исполняются, так как правовой механизм контроля за их исполнением отсутствует.

Усложнена процедура возбуждения уголовного дела (ст. 140–149 УПК РФ). Порядок рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) является излишним, так как после возбуждения уголовного дела эта работа дублируется. В результате утрачиваются ценнейшие доказательства, качество расследования падает.

Появилась опасная тенденция – отказывая обратившемуся с заявлением о преступлении в возбуждении уголовного дела, должностные лица в резолютивной части постановления указывают: «Отказать в возбуждении уголовного дела по ст. 306 УК РФ в отношении заявителя вследствие его добросовестного заблуждения о совершении преступления». Представители Фемиды предупреждают потенциального потерпевшего, чтобы он под страхом привлечения к уголовной ответственности не смел загружать их работой!

Стадия предварительного слушания (ст. 234–239 УПК РФ) на практике сведена к стадии назначения судебного заседания. На предварительном слушании никогда не реализуется процедура прекращения уголовного дела, не удовлетворяются ходатайства об исключении доказательств. На наш взгляд, необходимо восстановить стадию предания суду в уголовном процессе, что имеется в современной судебной практике де-факто.

Необходимо восстановить также право и обязанность суда направлять уголовное дело на дополнительное расследование. Возвращение уголовного дела прокурору не решает сложных проблем, возникающих на практике. Прекращение уголовного дела в стадии дополнительного расследования по реабилитирующим основаниям равносильно оправдательному приговору. Если это станет возможным, то возникнут предпосылки для исключения из УПК РФ гл. 40 об особом порядке судебного разбирательства, основанном исключительно на признании вины и предусматривающем снисхождение при назначении меры наказания. АГ

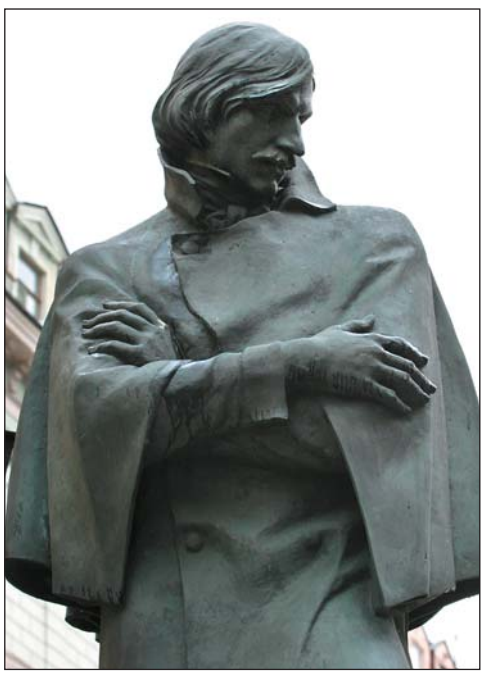


Фото: Марина САМАРИ

К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ

Великий сатирик не считал общественный прогресс поводом для смеха

Насмехаясь последние годы над стремлением к светлому будущему, общество не подозревало, что смеялось над самим Гоголем, который дал этому словосочетанию путевку в жизнь задолго до XXII съезда КПСС. Сам автор как будто предчувствовал ситуацию: «Никто из моих читателей не знал того, что… он смеялся надо мной…». Правда, и научный социализм не воспринял всерьез указание о том, что «дороги к этому светлому будущему сокрыты именно в этом темном и запутанном настоящем, которого никто не хочет узнавать: всяк считает его низким и недостойным своего внимания». Классик революционной философии, напротив, приветствовал смех, каким, по его словам, сопровождается процесс расставания человечества со своим прошлым. Как ни странно, Гоголь был от этой особенности далеко не в восторге, да и светлое будущее виделось ему несколько иным.

Окончание. Начало в № 6 (047)

Общеизвестно, что любой комедиограф всегда инстинктивно недоволен своим «низким» жанром, хотя бы грамотно оформленная сатира воспевала добродетель не хуже, а лучше самых вдохновенных гомеровских гимнов. Не был исключением и первый сатирик мира, правда, по иным причинам. Он тяготился комическим эффектом своих произведений, опасаясь, что за смехом публика упустит повнимательнее вглядеться в себя и поскорее принять меры к себе самой. Избранный им метод он считал вынужденным: «Бывает время, что нельзя иначе устремить общество… к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости». К тому же он принципиально считал, «что нужно со смехом быть осторожным, – тем более что он заразителен, и стоит только тому, кто поостроумней, посмеяться над одной стороной дела, как уже вослед за ним тот, кто потупее и поглупее, будет смеяться над всеми сторонами», и, вероятно, не так уж сильно ошибался.

Не все мы умрем, но все изменимся

Опыт последних двух десятилетий в какой-то степени подтвердил обоснованность сомнений автора относительно всемогущества легкого жанра. Но вероятно, главная причина отхода от плутовского романа в том, что, достигнув в нем наивысших высот мастерства, Гоголь поставил перед собой задачу, требовавшую иных средств. Его интересовала проблема преодоления порока, и если один из его наследников Михаил Булгаков – скорее, в шутку, но, возможно, и под влиянием раздражения, столь естественного в период раннего нэпа, – в ответ на вопрос о том, что делать с Чичиковым, голосовал «утопить», то Гоголь не мог быть удовлетворен таким способом оздоровления коллектива. Он знал (и в этом тоже его величие), что люди способны меняться, и рассчитывал содействовать этому; тем более что, как он сам признавался, герои «Мертвых душ» наделены его собственными пороками («герои мои потому близки душе, что… все мои последние сочинения – история собственной души…»).

Насколько позволяют судить отрывочные сведения той далекой эпохи, герои Гоголя должны были пережить новое рождение – «если захотят». В воображении автора возникал «исполин, какой выходит только из русской земли, который вдруг пробуждается от позорного сна, становится вдруг другим; плюнувши в виду всех на свою мерзость и гнуснейшие пороки, становится первым ратником добра». Можно предположить, что странные герои не стали торопиться с таким поворотом событий.

Хотя печальную судьбу продолжения романа принято объяснять зловредным влиянием клира, скорее всего, автор пришел к выводу, что «воскресение» выглядит искусственным – люди если и меняются, то не так быстро, а некоторые (как можно предположить, наблюдая современные российские элиты) не меняются никогда. Возможно, впрочем, он знал что-то недоступное нашему пониманию – в одном из писем он уверенно отклоняет опасения корреспондента «насчет хилого моего здоровья, которое, может быть, не позволит мне написать второго тома»: «Здоровье мое очень хило, это правда. Но ничуть не уменьшается надежда моя… [бог] даст силу… – положить все на бумагу». К сожалению, последние годы жизни Гоголь посвятил размышлениям о святой литургии, а также о смежных вопросах природы, общества и познания. Чем это кончилось – общеизвестно.

Не дает ответа

Вероятно, по той же причине многое из бесценного наследия Гоголя выражено конспективно, и не все одинаково ясно, как, например, указание о том, что «по-настоящему, ему [народу] не следует и знать, есть ли какие-нибудь книги, кроме святых». Подвергал ли он критике сериалы или подчеркивал приоритет нравственных основ, сказать трудно. Впрочем, его собственные произведения потомки часто используют в самых неожиданных целях (скажем, признанный правительственный острослов оценивал политическую ситуацию так: «К сожалению, мертвыми душами выглядят некоторые наши коллективные члены»).

По-видимому, автор не слишком жаловал концепцию верховенства права – по его словам, «множество дел, злоупотреблений и всяких кляуз произошло именно оттого, что европейские философы-законодатели стали заранее определять все возможные случаи уклонений и тем открыли всякому, даже благородному и доброму, пути к бесконечным и несправедливейшим тяжбам, которые затевать он прежде почел бы бесчестнейшим делом». Он не особенно уповал на законотворческую активность, считая, что даже хороший указ – это лишь новое бревно под ногами народа. Говоря о судебной системе, он с похвалой отзывался о методе героини «Капитанской дочки», считавшей разумным наказание обеих сторон спора, благодаря чему вправе считаться первым русским медиатором.

Признанный критик бытового воровства, Гоголь проникал гораздо глубже, в самую суть коррупции («мимо законного управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнейшее… Установились свои условия, и цены даже приведены во всеобщую известность»); и его указания следовало бы взять на заметку любому ревизору, который не хотел бы служить игрушкой в руках проходимцев. Задолго до введения в действие Налогового кодекса произведения Гоголя ставили под сомнение безрассудно жадную систему, порождающую очевидный излишек публичных средств, который можно безнаказанно распылять (на благо купца и городничего). При этом автор не закрывал глаза на то, что враги общества прибыли не из Америки (о которой он, впрочем, был не очень высокого мнения): «…гибнет земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих». Глубокий пессимизм звучит в другом его наблюдении: «тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства».

«Еще брезжит свет»

Он действительно был патриотом, призывая, при всей «похвальной жадности знать чужеземное», не упускать из виду «свои русские начала». Но любовь к России не была слепой; некоторые его замечания дают ответ на удивляющий всех иностранцев вопрос о том, почему русские так упиваются своими недостатками: «Лучше ли мы других народов?.. Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” – вот что мы должны всегда говорить о себе». Неслучайно он высоко ценил, что «русского человека испугала его ничтожность более, чем все его пороки и недостатки. Явленье замечательное! Испуг прекрасный! В ком такое сильное отвращенье от ничтожного, в том, верно, заключено все то, что противуположно ничтожному».

Некий оптимизм внушало ему то, что «нет у нас… тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые представляют препятствие непреоборимое к соединению людей и братской любви между ними, есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого народа… так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас». Однако такое дело попадается нечасто – сам Гоголь признает, что «дворяне у нас между собой, как кошки с собаками; [купцы, мещане, крестьяне] между собой, как кошки с собаками… Только между плутами видится что-то похожее на дружбу».

Не так однозначно, как на XXI съезде КПСС, вероятно, следует воспринимать и предполагаемый гимн Руси как необгонимой тройке, которой, косясь, дают дорогу другие народы. То, что в свое время казалось гениальным предвидением успехов в освоении космоса, заставляющих «посторониваться капиталистические страны», в системном толковании с образом осеняющего главу «грозного облака, тяжелого грядущими дождями» выражает скорее глубокую тревогу автора, как известно, вполне оправдавшуюся. В России, по его мнению, «еще брезжит свет, есть еще дороги и пути к спасенью», хотя не все они могут оказаться приятными для нас. Как известно, Гоголь возлагал определенные надежды на русских женщин, которые, по его мнению, «очнутся прежде мужчин, благородно попрекнут нас, благородно хлестнут и погонят нас бичом стыда и совести, как глупое стадо баранов, прежде чем каждый из нас успеет очнуться и почувствовать, что ему следовало давно побежать самому, не дожидаясь бича».

В свое время властям хотелось верить, что «Гоголь пригвоздил к позорному столбу крепостнический строй, осмеял все пороки царско-жандармского строя». Сам автор был настроен не так решительно, и его предвидение о том, что «полномощная власть монарха не только не упадет, но возрастет выше по мере того, как возрастет выше образование всего человечества», не оправдалось лишь на первый взгляд. Хотя Гоголь превозносил «потребность верховодящей силы, которая… показала бы в себе доблести высшие» с той оговоркой, что «власть государя явленье бессмысленное, если он не почувствует, что должен быть образом Божиим на земле», можно согласиться с тем, что и в данном случае он оказался пророком. Могущество верховной власти с тех пор нисколько не уменьшилось, и наши западные друзья ушли от нас в этом отношении не так уж далеко. Однако слишком уповать на это не следует, и об этом между строк тоже предостерегал великий автор руководителей всех звеньев и инстанций. Царь Николай, отделавшись венком на юбилей Гоголя, вероятно, и не представлял, что грубоватый жандарм, перепугавший общество в финале «Ревизора», может в один прекрасный вечер постучаться и к нему? АГ

ПОРА НА ПОЧТУ!

Уважаемые подписчики!

Если Вы оформили подписку только на полгода, самое время ее продлить!

Подписка на «Новую адвокатскую газету» открыта во всех отделениях связи на всей территории Российской Федерации.

Физическим лицам:

- Откройте трехцветный каталог **«Газеты. Журналы»** агентства **«Роспечать»** на **с. 26**.
- Найдите **«Новую адвокатскую газету»**. Подписной индекс – **19850**.
- Заполните купон.
- Оплатите в почтовом отделении.

Адвокатским образованиям (юридическим лицам):

- Вырежьте из газеты или скачайте на сайте **www.advgazeta.ru** бланк заявки.
- Заполните его и отправьте по факсу **(495) 787-28-36** (работает круглосуточно!) или по электронной почте **gragory@list.ru**.
- Наш секретарь выставит Вам счет на указанное количество экземпляров.
- Газета станет приходить уже в следующем после оплаты месяце!

ЗАЯВКА

Просим оформить подписку на «Новую адвокатскую газету»

Полное название организации

ИНН КПП

Юридический адрес

Количество газет На мес.

Адрес доставки

Почтовый индекс

Область/край/республика

Город/село

Улица

Дом Корпус Квартира/офис

Телефон

E-mail

Спасибо!

Подпись _____ (Ф.И.О.)

АБОНЕМЕНТ на газету **19850** (индекс издания)

«НОВАЯ АДВОКАТСКАЯ ГАЗЕТА» Количество комплектов:

на 200___ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

ПОЛУГОДОВАЯ

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер

на газету **19850** (индекс издания)

«НОВАЯ АДВОКАТСКАЯ ГАЗЕТА»

Стоимость	подписки	..... руб.	Количество комплектов:
	переадресовки	..... руб.	

на 200___ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

ПОЛУГОДОВАЯ

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)